

—ПИТЕР—
УОТТС

ВОДОВОРОТ

Рифтеры

Питер Уоттс

Водоворот

«Издательство АСТ»

2001

УДК 821(71)
ББК 84(7 Кан)

Уоттс П.

Водоворот / П. Уоттс — «Издательство АСТ»,
2001 — (Рифтеры)

ISBN 978-5-17-148708-9

Западное побережье Северной Америки лежит в руинах. Огромное цунами уничтожило миллионы человек, а те, кто уцелел, пострадали от землетрясения. В общем хаосе поначалу мало кто обращает внимание на странную эпидемию, поразившую растительность вдоль берега, и на неожиданно возникший среди беженцев культ Мадонны Разрушения, восставшей после катастрофы из морских глубин. А в диких цифровых джунглях, которые некогда называли Интернетом, что-то огромное и чуждое всему человеческому строит планы на нее, женщину с пустыми белыми глазами и имплантатами в груди. Женщину, которой движет только ярость; женщину, которая несет с собой конец света. Ее зовут Лени Кларк. Она не умерла, несмотря на старания ее работодателей. Теперь пришло время мстить, и по счетам заплатят все...

УДК 821(71)
ББК 84(7 Кан)

ISBN 978-5-17-148708-9

© Уоттс П., 2001
© Издательство АСТ, 2001

Содержание

Прелюдия: мессия	7
Вольвокс[2]	10
Русалка	10
Байки реконструкции[4]	12
Смертное ложе	17
94 мегабайта: производитель	20
Каскад	23
Бэкфлеш	30
Карты и легенды	34
Корп	36
Удар	44
Палочник	50
Приглашение на танец	54
Пиксельмэн	56
Третье лицо, вид глазами персонажа	58
Прилипала	61
Поджигатель	63
Пепелище	67
Запасы	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Питер Уоттс Водоворот

Для Лори

«И хоть мала, она душой свирепа».¹

Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол.
Иов 40:15

Всякая плоть – трава.
Исайя 40:6

**Peter Watts
MAELSTROM**

Published by arrangement with Tom Doherty Associates.

All rights reserved.

Печатается с разрешения литературного агентства Nova Littera SIA.

В оформлении обложки использована иллюстрация Василия Половцева

MAELSTROM © 2001 by Peter Watts

© Николай Кудрявцев, перевод, 2018

© Василий Половцев, иллюстрация, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Прелюдия: мессия

На следующий день после того, как Патриция Роуэн спасла мир, человек по имени Элиас Мерфи вновь заставил всколыхнуться ее совесть.

Едва ли она нуждалась в еще одном напоминании. На линзах и так бежал бесконечный перечень смертей и разрушений, пока даже приблизительное число потерь никто назвать не мог. Прошло всего шестнадцать часов; о масштабах разрушений до сих пор можно было лишь гадать. Но машины по-прежнему старались все учесть: столько-то миллионов жизней, столько-то триллионов долларов – как будто апокалипсис станет безобидным, если его разложить по полочкам.

«Может, так и будет», – размышляла Роуэн. Самые страшные чудовища всегда успевали исчезнуть до того, как включишь свет.

Она взглянула на Мерфи сквозь прозрачный дисплей в голове: человека скрывал поток данных, который он даже не видел. Но выражение его лицо само по себе несло информацию, и Патриция все сразу поняла.

Элиас Мерфи ненавидел ее. Для Элиаса Мерфи чудовищем была сама Роуэн.

Она его не винила. Наверное, у него погиб кто-то из близких во время землетрясения. Но если он знал о приказе Роуэн, то понимал, каковы были ставки. Ни одно рациональное существо не стало бы винить кого-то за действия, продиктованные исключительно необходимостью.

Он, скорее всего, и не винил. С рациональной точки зрения. Но его ненависть коренилась где-то в спинном мозге, и Роуэн не держала зла на Мерфи.

– У нас нерешенная проблема, – спокойно сказал он.

«И не одна».

– Мем Бетагемота проник в Водоворот, – продолжил гель-жокей. – Он довольно долго висел в сети, но осязаемое влияние стал оказывать... только с появлением того геля, который вы...

Он замолк, не желая обвинять Роуэн прямо.

И спустя секунду начал снова:

– Я не знаю, как много вам уже рассказали о... сбое. Мы использовали гауссианский упреждающий алгоритм для достижения минимальных локальных пока...

– Вы научили умные гели защищать информацию от дикой фауны Интернета, – ответила Роуэн. – В результате каким-то образом они выработали правило, что в любой ситуации следует отдавать предпочтение простым системам, а не сложным. Мы, не сознавая того, предоставили одному из них выбор между микробом и биосферой, и он переметнулся на сторону врага. Однако мы вовремя вмешались. Не так ли?

– Вовремя, – эхом отозвался Мерфи. «Не для всех», – добавили его глаза. – Но к тому времени он уже распространил мем по сети. Гель был связан с Водоворотом, и, естественно, мог действовать автономно.

Роуэн перевела: «Чтобы убивать людей без всяких ограничений». Она все еще немного удивлялась тому, что Консорциум согласился наделить зельц настолько широкими полномочиями. Разумеется, на свете не существовало человека без предубеждений. Разумеется, никто не собирался доверять кому-то другому право решать, какие города надо сжечь для общего блага, пусть даже микроб угрожал всему миру. И все-таки: дать абсолютную власть двухкилограммовому куску культивированных нейронов? Ее до сих пор поражало то, что вся людоедская рать согласилась на такое.

Правда, мысль о том, что у гелей могут быть собственные предубеждения, никому в голову не пришла.

– Вы просили держать вас в курсе, – сказал Мерфи, – но на самом деле проблемы нет. Без геля это всего лишь сорный мем, и он сам сгорит через неделю или две.

– Неделю или две. – Роуэн вздохнула. – Вы понимаете, сколько урона нанес этот сорный мем за последние пятнадцать часов?

– Я...

– Он захватил подъемник, доктор Мерфи. Ему не хватило всего двух часов. Шесть носителей могли затеряться среди населения, и тогда землетрясение, цунами стали бы лишь началом, а не...

«...пожалуйста, Господи, пусть на этом все кончится...»

– Он захватил подъемник, так как имел властные полномочия. Теперь у него их нет, а у других гелей никогда не было. Мы говорим о коде, который бесполезен для субъектов, лишенных автономии в реальном мире, и который, при отсутствии внешнего толчка, в любом случае самоуничтожится из-за нехватки подкрепления. А что касается землетрясения... – В голосе Мерфи неожиданно появилась непокорность: – Судя по тому, что я слышал, на кнопку нажали далеко не гели.

«Ну, сказано яснее некуда».

Патриция решила не обращать внимания на эту реплику.

– Простите, но вы не убедили меня. В сеть проник план по уничтожению всего мира, а вы предлагаете мне не беспокоиться?

– Именно так.

– К сожа...

– Мисс Роуэн, гели – это по сути большие автопилоты из слизи. Такая система может измерять высоту, оценивать погодные условия, запускать механизм посадки, но это не значит, что она хоть как-то их осознает. Гели не замышляют уничтожение планеты, они даже не знают, что реальный мир существует. Они всего лишь манипулируют переменными. И опасность может возникнуть только в том случае, если один из их выходных регистров окажется связан с бомбой на линии разлома.

– Благодарю вас за оценку. А если вам отдадут приказ вычистить этот мем, как вы поступите?

Элиас пожал плечами.

– Мы сможем выявить зараженные гели путем простого допроса, поскольку теперь знаем, что искать. Заменяем поврежденные на свежие – мы и так по плану должны приступить к четвертой фазе, а новый урожай уже созрел.

– Хорошо, – сказала Роуэн. – Начинайте.

Мерфи уставился на нее.

– Вам что-то не нравится? – спросила Патриция.

– Мы можем это сделать, никаких проблем, но это будет просто потеря... о Господи, да ведь половина Тихоокеанского побережья рухнула в море, и у нас явно есть более...

– Не у вас, сэр. Вы получили задание.

Он отвернулся, вновь скрывшись за невидимой статистикой.

– О какого рода внешнем толчке вы говорили, доктор? – спросила она вслед.

Элиас остановился.

– Что?

– Вы сказали, что он исчезнет «при отсутствии внешнего толчка». Что вы имели в виду?

– Нечто, способное увеличить уровень репликации. Новые данные для усиления мема.

– Какого рода данные?

Он обратил лицо к ней.

– Таких нет, мисс Роуэн. В этом вся суть. Вы ведь вычистили записи, разрушили корреляции, устранили носителей, так?

Роуэн кивнула.

– Мы...

«...убили наших людей...»

– ...устранили носителей.

– Вот и прекрасно.

Она намеренно смягчила тон голоса:

– Пожалуйста, выполните мои инструкции, доктор Мерфи. Я знаю, они кажутся вам несущественными, но лучше принять меры предосторожности, чем попусту рисковать.

На его лице четко отразилось то, что он думал об уже принятых ею «мерах предосторожности». Элиас кивнул и вышел, не произнеся ни слова.

Роуэн вздохнула и ссутулилась в кресле. Перед ее глазами скользнул очередной заголовок: еще четыреста «оводов» удачно реквизированы для очистки Ситэка. Таким образом, число маленьких телеопов между Ситэком и Гонкувером достигло пяти тысяч, и теперь они метались повсюду, пытаясь обнаружить тела, пока тиф и холера не утащат всех на самое дно.

Миллионы погибших. Триллионы ущерба. Она знала, эти потери – ничто по сравнению с альтернативой. Вот только эта мысль не утешала.

На спасении мира висел ярлык с немалой ценой.

Вольвокс²

Русалка

Тихий океан валился ей на спину. Она не обращала на него внимания.

Он раздавил тела ее друзей. Она забыла о них.

Он выпил свет, ослепив даже ее чудесные глаза. Бросал вызов, побуждал сдаться, включить головной фонарь, словно какому-нибудь инвалиду-сухопутнику.

Она плыла дальше в полной темноте.

Со временем ложе океана поднялось крутым откосом, ведущим к свету. Дно изменилось. Ил исчез под липкими сгустками полупереваренной нефти: огромный всепланетный ковер, под который целое столетие заматали маслянистые разливы. Внизу призраками маячили поколения затонувших барж и рыболовных траулеров, каждый корабль – одновременно труп, склеп и эпитафия самому себе. Она исследовала первый, попавшийся ей на пути, проскользнула сквозь разбитые иллюминаторы, по перевернутым коридорам и как сквозь сон припомнила, что обычно в таких местах скапливалась рыба.

Давным-давно. Теперь остались только черви, задыхающиеся двусторчатые моллюски и женщина, ставшая амфибией по воли абстрактного слияния технологии и экономики.

Она не останавливалась.

Света уже хватало на то, чтобы видеть без линз. Океанское ложе подергивалось от движений вялых эвтрофилов³, созданий настолько черных от гемоглобина, что они могли выжать кислород даже из камней. Застигнутые неожиданным сиянием, они кроваво блестели в краткой вспышке фонаря.

Женщина не останавливалась.

Вода стала настолько мутной, что временами беглянка едва видела собственные ладони. Скользкие скалы, проплывающие внизу, принимали угрожающие формы – скрюченных рук, изогнутых конечностей, зияющих провалами черепов с тварями, корчащимися в глазницах. Иногда слизь казалась на вид чуть ли не плотью.

Когда женщина почувствовала притяжение прибою, дно сплошь покрывали тела. Они тоже как будто скапливались тут поколениями. Некоторые уже превратились в симметричные пятна водорослей. Другие же были достаточно свежими, мерзко раздулись, стремились подняться вверх, борясь с обломками, удерживающими их внизу.

Но ее беспокоили не тела. А свет. Даже отфильтрованный столетиями миазмов, висящих в воздухе, он казался ей слишком ярким.

Океан вытолкнул ее вверх, утянул вниз в ритме, который одновременно слышался и чувствовался. Мертвая чайка, вращаясь, проплыла мимо, влекомая течением, запутавшаяся в моноволокне. Вселенная ревела.

На краткий миг вода перед беглянкой исчезла. В первый раз за год она увидела небо. А потом огромная влажная рука шлепнула ее по затылку, снова ткнув носом в дно.

Она прекратила грести, не зная, что делать. Правда, ничего решать и не пришлось. Бурлящие волны, маршируя к берегу бесконечными серыми рядами, дотащили ее до самого финала.

² Род подвижных колониальных организмов, относящихся к отделу зеленых водорослей. Они обитают в пресных стоячих водоемах и при массовом размножении окрашивают воду в зеленый цвет, вызывая ее цветение.

³ Искусственно выведенные придонные растения, борющиеся с антропогенной эвтрофией водоемов, когда в результате высокой концентрации биогенных веществ начинается активное развитие микрофлоры в верхних слоях воды, снижается ее прозрачность, начинается гибель придонных растений, а вместе с ними и гибель всех прочих организмов. На фоне выраженной гипоксии резко снижается количество кислорода в водоемах.

* * *

Она лежала на животе, задыхаясь, вода вытекала из механизмов в груди: жабры отключались, кишки и воздушные протоки раздувались, пятьдесят миллионов лет эволюции позвоночных сжались в тридцать секунд с легкой руки биотехнологической промышленности. Желудок светло от хронической пустоты. Голод превратился в друга настолько преданного, что она с трудом могла представить его отсутствие. Стянула плавники с ног, поднялась, покачнувшись, когда заявила о себе гравитация. Сделала робкий шаг вперед.

Туманные силуэты охранных башен привалились к горизонту на востоке, сломанными шпильями напоминая челюсть с выбитыми зубами. Над ними парили жирные и, судя по пропорциям, огромные твари, похожие на клещей: подъемники, приглядывающие за останками границы, которая прежде осмотрительно разделяла беженцев и граждан. Теперь здесь не было беженцев. Не было граждан. Осталось только человекоподобное образование из грязи и нефти с машинами в сердце его, жуткого вида русалка, выкарабкавшаяся из бездны. Ее так и не смогли отбраковать.

И весь бесконечный хаос – изломанный пейзаж, растерзанные тела, всосанные океаном, опустошение, добравшееся до Бог знает каких пределов, – все это было лишь побочным эффектом. Она поняла, что молотом хотели ударить именно по ней.

И при этой мысли улыбнулась.

Байки реконструкции⁴

Огромные сверкающие здания отряхивались подобно мокрым псам. На землю пролились потоки разбитого стекла из панорамных окон пятидесятиэтажных небоскребов. Улицы превратились в живодерни: несколько тысяч человек с легкостью расчленило в считанные секунды. А потом, когда землетрясение закончилось, на охоту вышли уборщики: собирали головоломки из плоти и крови с невероятно большим количеством отсутствующих деталей. По техническим причинам число их только росло.

Где-то посреди мух, развалин и куч безглазых трупов душа Су-Хон Перро проснулась и закричала.

Так не должно было случиться. Вообще не должно: катализаторы надежно перехватывали все эти устаревшие, неадекватные чувства, составляющие их химикалии разваливались на части, не достигая даже стадии прекурсоров. Бродить по океану трупов как полностью функциональный человек, даже опосредованно, никто не станет.

Когда ее накрыло, она была в нескольких точках сразу. Тело Су-Хон пребывало в полной безопасности у нее дома, в Биллингсе, за тысячу километров от разрушений. Чувства парили в четырех метрах над останками гонкуверского моста на Грэнвилль-стрит, угнездившись в летающем синем панцире, напоминающем муху-падальщика с полметра длиной. А разум так вообще витал где-то далеко, вел базовые подсчеты, сводил в группы разные куски тел.

По какой-то причине ее тревожил запах разложения. Перро нахмурилась: обычно столь сильной щепетильностью она не отличалась. Не могла себе такого позволить – нынешнее количество трупов покажется ничтожным по сравнению с тем, что наделает холера, если все мясо не убрать к концу недели. Она приглушила канал, хотя усиление обоняния считалось предпочтительным методом для поиска биологических материалов, заваленных обломками.

Но теперь начала раздражать и картинка, а вот почему, Су-Хон сказать не могла. Она все видела в инфракрасном свете на случай, если некоторые тела еще были теплыми – черт побери, там кто-то мог даже выжить, – но от неестественного цвета крутило желудок. Перро перебрала весь спектр, от глубоко инфракрасного до рентгеновских лучей, и в конце концов остановилась на старом добром электромагнитном излучении. Немного помогло. Правда, теперь она смотрела на мир чуть ли не как обыкновенный человек, а это сказывалось на рабочих показателях.

«И эти поганые чайки. Бог ты мой, да из-за их ора ничего не слышно».

Она ненавидела чаек. Птиц нельзя было заткнуть. Они всегда скапливались в таких местах, а когда ели, устраивали настоящие оргии, которые отпугнули бы даже акул. На другой стороне Фолс-Крик, например, тела лежали таким плотным слоем, что эти твари стали разборчивыми. Выклевывали только глаза, остальное отдавали на откуп червям. Перро не видела ничего подобного с Тонкинского разлива пять лет назад.

Тонкин. Воспоминания о нем некстати бурлили в подсознании, отвлекали от дела картинами бойни пятилетней давности.

«Сосредоточься», – приказала себе Су-Хон.

Теперь, по какой-то причине, в голову постоянно лезли мысли о Судане. Вот это действительно была заваруха. Но ведь и тогда все могли предвидеть: нельзя перегородить реку такого размера, не расстроив кого-нибудь, кто живет вниз по течению. По-настоящему удивляло только то, что Египет ждал целых десять лет, прежде чем разбомбить эту чертову шту-

⁴ Здесь имеется в виду не только отсылка к известному периоду американской истории, Реконструкции (1865–1877), когда после Гражданской войны происходила реинтеграция южных штатов Конфедерации в состав США, но и к альбому группы R. E. M. «Fables of the Reconstruction» 1985 года, название которого из-за особенностей оформления диска можно прочесть как «Байки Реконструкции», так и «Реконструкция баек».

ковину. Обвал за одно мгновение разбросал вокруг годами копившуюся грязь; когда паводок спал, процесс очистки больше напоминал выковыривание изюма из размякшего шоколада.

О, и еще один торс.

«Вот только у изюма были руки и ноги. И глаза...»

Мимо пролетела чайка, державшая в клюве глазное яблоко. Целую, казалось, бесконечную секунду оно смотрело на Перро, о чем-то умоляя.

А затем впервые за всю свою карьеру – через миллиарды логических затворов, бессчетные километры оптоволокну и микроволны, отражающиеся от геосинхронной орбиты, – Су-Хон Перро оглянулась на прошлое.

Брэндон. Венеция. Ки-Уэст.

«Боже мой – все мертвы».

Галвестон. Обидуш. Резня в Конго.

«Заткнись! Сосредоточься! Заткнись, заткнись...»

Мадрас, Лепро, Гурьев – бессчетное количество мест, менялись имена и экосоны, а число жертв только росло, никогда не замирало даже на секунду, на долбаную секундочку, и везде одна и та же песня, одна и та же бесконечная вереница тел, заваленных заживо, сгоревших, разорванных на части...

Всех разрывает на части...

Лима, Леванцо, Лагос...

«И это еще не все „Л“, ребята, там их целая куча.

Слишком поздно, слишком поздно, я ничего не могу поделать...»

Ее «овод» послал сигнал тревоги, как только она ушла в офлайн. Маршрутизатор запросил медчип, угнездившийся в позвоночнике Перро, нахмурился про себя и послал сообщение другому жильцу, зарегистрированному по тому же адресу. Муж Су-Хон нашел ее у терминала, она дрожала, ни на что не реагировала, и только слезы кровоточили из-под фоновизоров.

* * *

Отчасти душа Перро обитала в плече тринадцатой хромосомы, в слегка дефектном гене, кодирующем серотониновые рецепторы 2А. Из-за этого у Су-Хон была склонность к суицидальным мыслям, но раньше та никогда не доставляла проблем: катализаторы защищали и в жизни, и на работе. По слухам, некоторые фармы портили продукты соперников. Может, так и случилось: кто-то решил подкопаться под конкурента, а Перро наклеила бракованную дерму на руку и вошла в зону последствий Большого Толчка, даже не поняв того, что все ее чувства по-прежнему работают в полную силу.

После такого на передовой от нее было мало толку. В состоянии столь серьезного посттравматического стресса от катализаторов начинало коротить средний мозг. (В этой отрасли до сих пор встречались люди, бившиеся в припадках от звука расстегиваемой молнии: с таким же запечатывали мешки для трупов.) Но у Перро по контракту осталось еще восемь месяцев, и никто не жаждал попусту просаживать ее таланты или жалованье, а потому ей требовалось подыскать менее напряженный участок, где можно было обойтись традиционными ингибиторами.

Ей выделили полосу беженцев на западном побережье. В решении крылась своеобразная ирония: уровень смертности здесь в сто раз превышал городские показатели, но океан, по большей части, прибрался за собой сам. Тела утянуло в воду вместе с песком, булыжниками и валунами. Остались лишь глыбы размерами почти с товарный вагон, а пляж, дочиста выскобленный и волнистый, напоминал лунный пейзаж.

По крайней мере сейчас.

Теперь Су-Хон Перро сидела перед линком и наблюдала за линией красных точек, ползущих по карте побережья. При большем разрешении единая черта разделялась на две: одна вела от юга штата Вашингтон к Северной Калифорнии, другая взбиралась на север по тому же курсу. Бесконечная петля автоматического наблюдения, глаза, что могли видеть сквозь плоть, уши, способные разобрать даже разговоры летучих мышей. Мозги, достаточно умные, чтобы большую часть времени выполнять работу без всякой помощи Су-Хон.

И все-таки она подключалась к ним и наблюдала за тем, как перед ней скользит мир. Почему-то улучшенные чувства «оводов» казались более реальными, чем ее собственные. Когда Перро снимала шлемофон, все вокруг, казалось, покрывал слой ваты. Она знала – причина в катализаторах; только вот оставалось непонятным, почему все выглядело гораздо четче, когда она управляла машиной.

Боты продвигались вдоль побережья, отслеживая, как по градиенту растет разруха. К северу простиралась пустошь: трещины разрывали берег. Промышленные подъемники висели над разломами в Стене, отстраивая ее заново. На юге беженцы по-прежнему бродили вдоль Полосы, жили под навесами, в палатках и в разъединенных эрозией остовах зданий, сохранившихся с той поры, когда за вид на океан брали дополнительную цену.

Между двумя этими точками Полоса, кровотока, отступала к берегу, неравномерно и урывками. На северном периметре уже установили переносные утесы в двадцать метров высотой, надежно обрубив беженцам доступ на континент. По другую сторону машины Н'АмПацифика активно занимались ремонтом: пополняли запасы, латали дыры, чинили постоянные барьеры на востоке. На северный край очищенной территории со временем опустятся другие утесы, а их южные двойники вознесутся в небеса – или к брюху промышленного подъемника, уж что придется первым, – скачками опережая прилив млекопитающих. «Оводы-усмирители» парили над головой, обеспечивая порядок при миграции.

Впрочем, большой нужды в них не было. Существовали более эффективные способы держать людей в узде.

Перро с огромным удовольствием вела бы наблюдение сутки напролет, чувствуя себя далекой и бесстрастной, но между работой и сном оставались часы бодрствования. Она заполняла их как могла, слонялась в одиночестве по квартире или следила за тем, как муж наблюдает за ней. Временами ее неудержимо влекло к аквариуму, мягко светящемуся в гостиной. Перро он всегда казался уютным – пенистое шипение аэратора, мерцающее взаимодействие света и воды, умиротворяющая хореография рыбок. В глубине сосуда от потоков воды шевелила щупальцами актиния двадцати сантиметров в диаметре. Из-за симбиотических водорослей она играла десятками оттенков зелени. Парочка абудефдуфов бесстрашно устроилась среди ядовитых стрекал. Перро завидовала их безопасности: хищник чудесным образом прислуживал собственной добыче.

Но больше всего ее удивляло то, что этот безумный альянс – водоросли, актиния, рыбы – никто не создавал. Он эволюционировал сам, естественным симбиотическим путем, занявшим миллионы лет, и ни один ген за все это время никто не изменял.

Это было так хорошо, что казалось почти нереальным.

* * *

Иногда «оводы» звали на помощь.

Этот увидел что-то непонятное в мелководной прибрежной зоне. Судя по его данным, один из циркуляторов Кальвина решил поделиться надвое. Перро подключилась к линии и полетела над эфемерным пейзажем. Сияющие новенькие циркуляторы стояли вдоль берега, готовые скрутить саму атмосферу в съедобный белок, являя чудеса промышленного фотосинтеза. С виду они казались целыми. Рядом недавно установили уборные и крематорий, работа-

ющий на солнечных батареях. Осветительные штативы, одеяла и самособирающиеся палатки лежали аккуратными рядами на пластиковых подставках. Даже расколовшийся гранит берега успели слегка подлатать, ввели в трещины самопнящуюся смолу и пополнили запасы песка и булыжников, как попало разбросав их по загубленному берегу.

Ремонтные бригады уже ушли, беженцы еще не прибыли. Но на песке виднелись свежие следы, ведущие в океан.

И появились они оттуда же.

Перро запросила запись, спровоцировавшую тревогу. Мир вновь обернулся кричащими, успокаивающими своей ложностью цветами, которыми машины пользовались, передавая информацию существам, ограниченным плотью. Человеку циркулятор казался сверкающим металлическим гробом размером с минифургон, «оводу» же – неброским сплетением электромагнитных излучений.

Одно из них отравило побег – небольшой сверкающий пучок технологий отделился от Кальвина и, неуверенно колеблясь, отправился к воде. Его тепловая сигнатура была несовместима с чистым «железом». Перро сузила фокус до видимого спектра.

На записи оказалась женщина, вся в черном.

Она кормилась из циркулятора и не заметила подлетевшего «овода». Только когда он завис от нее менее чем в ста метрах, незнакомка вздрогнула и повернулась лицом к камере.

Ее глаза были полностью белыми. Никаких зрачков.

«Боже», – подумала Перро.

Увидев бота, женщина неуверенно встала на ноги и, качаясь, направилась к скалистому склону. Казалось, она отвыкла от собственного тела. Два раза упала. У кромки прибора она схватила что-то с земли – ласты, поняла Перро, – и рванула вперед, на мелководье. Бугристая волна накатила на нее, поглотила, и, когда схлынула, на песке больше никого не было.

По данным записи, все произошло меньше минуты назад.

Перро согнула пальцы: в двенадцати сотнях километров от нее «овод» дал панораму сверху. Утомленный океан набегал на берег тонкими пенящимися пластами, стирая следы существа. Настоящий прибор спокойно и размеренно бился в нескольких метрах впереди. На какое-то мгновение Перро показалось, что в сумятице брызг и вихрях волн, похожих на зеленое стекло, она заметила движение – темную форму, похожую на амфибию, с лицом, почти лишенным всякой топографии. Но момент ушел, и даже усовершенствованные чувства «овода» ничего не смогли с этим поделать.

Су-Хон прокрутила запись снова, восстанавливая события.

«Овод» смешал воедино плоть и технику. По умолчанию он сканировал в широком спектре, и ЭМ-сигнатуры сияли рассеянным галогеном. Когда женщина в черном стояла рядом с циркулятором, робот принял два близких сигнала за один. Когда же она отошла, в его глазах машина распалась.

Из незнакомки изливались электромагнитные волны. Все ее тело пронизывали какие-то имплантаты.

Перро вытянула из записи стоп-кадр. Тело женщины с головы до пят плотно облежала черная униформа без единого шва, словно нарисованная на коже. Открыто было только лицо: бледный овал с двумя белоснежными эллипсами на месте глаз. Что это? КонТакты?

«Нет, – поняла Су-Хон. – Фотоколлаген. Чтобы видеть в темноте».

Силуэт уродовали вкрапления пластика и металла – ножны на ноге, контрольные панели на руке, какой-то диск на груди. И яркий желтый треугольник на плече, логотип из двух больших стилизованных букв – ЭС, разглядела Перро, быстро увеличив изображение, – а под ними крохотная надпись, смазанная до неузнаваемости. Наверное, бирка с именем.

ЭС. Энергосеть, снабжающая электричеством весь Н'АмПацифик. А эта женщина была водолазом с имплантированным аппаратом для дыхания. Перро слышала о них: они были очень востребованы для работы на больших глубинах. Никакой декомпрессии и так далее.

Почему ныряльщица из Энергосети слонялась в прибрежной зоне? И почему, ради всего святого, она ела из циркулятора? Нужно было по-настоящему оголодать, чтобы польститься на такую смесь, несмотря на все питательные вещества. Возможно, женщина действительно умирала от истощения; выглядела она ужасающе, едва держалась на ногах. А зачем побежала? Уж знала, наверное, что кто-нибудь ее подберет, раз «овод» заметил...

Естественно, знала.

Перро подняла робота на пару сотен метров в высоту и оглядела океан. Ничего похожего на судно водолазного обеспечения там не было. (Может, подлодка?) Внизу, выполняя программу, пролетел на юг еще один «овод», гигантский металлический жук, которого не тревожила загадка, так смутившая его предшественника.

А где-то там, под волнами, кто-то прятался. Не беженка. По крайней мере не обычная беженка. Она выползла на берег уже после апокалипсиса, страдая от голода. Женщина с механизмами в груди.

А может, это была машина, которая лишь притворялась человеком.

Су-Хон прекрасно знала, каково это.

Смертное ложе

Он из принципа не следил за временем. В той сфере деятельности, где был занят Лабин, таким трюкам учились быстро. Учились сосредоточиваться на настоящем и забывать о будущем. Он даже попытался направить процесс вспять, развернуть стрелу времени и стереть прошлое, но это оказалось не так-то легко.

Впрочем, не важно. После целого года беспросветной ночи – после земли, с треском раскалывающейся внизу, после Тихого океана, неумолимо и безжалостно давящего все живое гидравлическим прессом, – он заплакал от благодарности, вновь ступив на сушу и вспомнив это полузабытое ощущение. Вот трава. Птицы. Солнечный свет. Он оказался на паршивой крохотной скале, затерянной где-то посреди водной пустыни. Сплошной лишайник, высохшие кусты и долбанные чайки, но никогда еще Лабин не видел места красивее.

Лучше места, чтобы умереть, Кен придумать не мог.

* * *

Он проснулся под чистым голубым небом, находясь на глубине в тысячу метров.

Пятьдесят километров от станции «Биб», может, пятьдесят пять от эпицентра. Сияние от взрыва так далеко проникнуть не могло. Кен не знал, что видел в это мгновение: возможно, излучение Черенкова. Какой-то малоизвестный эффект от воздействия гидроударных волн на зрительный нерв. Иллюзию остаточного света, омывающую бездну глубокой, пронзительной синевой.

И пока рифтер висел там, словно соринка, застрявшая в желатине, небольшая ударная волна, громокая, подкралась снизу.

Древняя часть мозга Лабина, сохранившаяся от далеких предков, живших на деревьях, залепетала в панике. Более новый модуль заткнул ей рот и взялся за вычисления: продольная волна быстро идет сквозь материковый грунт. От нее перпендикулярно поднимаются дополнительные: как раз такие толчки, как он только что почувствовал. Катеты прямоугольного треугольника.

А значит, скоро должна грянуть гипотенуза: ударная волна, пробивавшаяся сквозь застойную среду с гораздо меньшей плотностью, чем у морского дна.

Двигалась она медленнее, но была во много раз сильнее.

Пифагор давал всего двадцать секунд.

Лабин обладал иммунитетом к абсолютному давлению: механизмы в грудной клетке давным-давно избавили от внутренних газов каждую пазуху, каждую полость, каждый уголок тела. Кен провел целый год на дне океана и едва это почувствовал. Превратился в сплошное мясо и кости, густую органическую жидкость, столь же несжимаемую, как и сама морская вода.

Пришла ударная волна, и морская вода сжалась.

Он как будто посмотрел на солнце: это давление разрушало глаза. Рядом рухнул Тунгусский метеорит: это со скрежетом рвались барабанные перепонки. Лабин словно превратился в поверхность между Скалистыми горами: пока мимо проходил фронт, его тело расплющило, отбросив куда-то в двумерную реальность, а потом оно резко набрало объем, как резиновый мяч, вытасканный из тисков.

Он мало помнил из того, что произошло потом. Но холодный голубой свет должен был померкнуть. Он ведь исчез спустя несколько секунд. Когда прошла ударная волна, вокруг опять наступил мрак.

И тем не менее повсюду разливалось голубое мерцание.

«Небо, – наконец понял Лабин. – Это небо. Ты на берегу».

В поле зрения пролетела чайка с раскрытым клювом. Лабину почудилось, что до его изувеченных ушей доносится слабый металлический крик птицы но, вполне возможно, то было лишь его воображение. В последнее время он слышал очень мало – только отдаленный звон, который, казалось, шел с другой стороны мира.

Небо.

Каким-то образом ему удалось выжить.

Он помнил, как висел в воде изорванной массой водорослей, не мог даже вскрикнуть, не мог двинуться не крича. За мгновение тело превратилось в один огромный синяк. И все же, несмотря на всю боль, Лабин ничего не сломал. В конце концов, он висел в толще воды без поверхностей, о которые можно было разбиться, а всепоглощающая волна сжимала и отпускала все с равным пренебрежением...

В какой-то момент Кен стал двигаться снова. Память возвращалась урывками, сводило ноги. Периодически он смотрел на навигационное устройство, компас вел на запад-юго-запад. Постепенно боль распалась на локальные очаги – Лабин даже принялся играть в игру, пытаясь угадать причину каждого вида мучения, кричащего из толпы. «Холодная тошнота – наверное, морская вода просочилась в слуховой канал... ну а в кишках – это точно голод. И грудь, дайте подумать, грудь... ах да, имплантаты. Мясо и металл сжимаются по-разному, имплантаты начали сопротивляться, когда взрыв меня расплющил...»

А теперь он очутился здесь, на острове меньше ста метров в длину: выполз на берег с одной стороны, увидел маяк на другой – покрытую лишайником бетонную колонну, разлагающуюся еще с прошлого века. Лабин не заметил даже признака людей, хотя времени на наблюдения было мало, он почти сразу рухнул без сознания на песчаник.

Но Кен сумел. Он выжил.

Выскользнул. И только теперь позволил себе думать об остальных: удалось ли им уйти, позволил себе надеяться, что они выжили. Хотя знал, что это не так. У них был задел по времени, но они держались на глубине, чтобы их никто не заметил. Дно же усиливало ударную волну, подобно неумелому жонглеру подбрасывая в воду куски грунта; на расстоянии десяти метров от земли все должно было размолоть в порошок. Лабин с запозданием понял это, когда решил догнать остальных. Взвесил риск попасться, риск детонации и, так сказать, поднялся до обстоятельств. Но даже и так ему очень повезло.

Лени Кларк не уплыла вместе со всеми. Сейчас, наверное, от нее даже тела не осталось. Она не пыталась сбежать. Лабин оставил ее на станции, Лени ждала взрыва прямо в его эпицентре: женщина, которая хотела умереть. И получившая то, что хотела.

«По крайней мере хоть какая-то польза от нее была. Исповедаться ей успел, прежде чем она испарилась. В первый раз за всю жизнь смог поплакаться в чью-то жилетку, успокоить большую совесть и не убить никого под конец».

Лабин не отрицал этого, даже про себя. Смысла не было. К тому же никакой выгоды от своих действий он все равно не получил. Кен – мертвец, как и остальные. Он все равно умрет.

Лишь это имело какой-то смысл.

* * *

Головоломка состояла из нескольких больших кусков простейших цветов. Вместе они сходились только одним образом.

Людей призывали на службу, перестраивали и тренировали. Плоть и внутренности выскребывали, выбрасывали, а полости заполняли механизмами и зашивали. Создания, получившиеся в результате операции, могли жить в бездне на глубине трех тысяч метров, на южной оконечности хребта Хуан де Фука. Там они присматривали за машинами побольше, крадущими энергию из земного чрева во имя спроса и предложения.

Существовало не так много причин, по которым кому-нибудь пришлось бы в голову снести такую станцию ядерным зарядом.

На первый взгляд это казалось военным нападением. Но устройства и рифтеров создал Н'АмПацифик. Он же жадно пил из геотермального колодца Хуан де Фука. И, если верить фактам, именно он установил придонные атомные бомбы, которые все уничтожили.

Значит, не война. По крайней мере не политика.

Возможно, корпоративная безопасность. Может, рифтеры узнали нечто такое, что следовало держать в секрете. Лабин вполне подходил под определение. Но он был ценным ресурсом, а с точки зрения экономики выбрасывать то, что нужно всего лишь настроить, как-то не слишком рационально. Потому его и сослали на дно океана, в длительный отпуск, отдохнуть от мира, которому Кен стал угрожать, а не служить. («Всего лишь временное назначение, – говорили они, – пока у тебя нервы не успокоятся немного».) В мир рыб и холодных как лед людей, не интересующихся ничем, кроме собственных изломанных судеб, где не существовало никаких промышленных тайн, которые надо было украсть или защитить, никаких нарушений безопасности, подлежащих ликвидации с особой тщательностью...

Нет. Из всех членов группы Лабин больше всех тянул на угрозу внутренней безопасности, но если бы начальство хотело его устранить, то не стало бы высылать к источнику Чэннера. К тому же существовали более эффективные способы убрать пять человек, чем обратиться в пар несколько квадратных километров морского дна.

Ситуация говорила сама за себя: мишенью было дно как таковое. Источник Чэннера почему-то стал опасен, и его решили стереть с лица Земли. А вместе с ним в угрозу для безопасности превратились и рифтеры, иначе Энергосеть эвакуировала бы их перед операцией: корпорации известны безжалостностью, но не расточительностью. Они не выбрасывают на воздух инвестиции, если можно обойтись без этого.

Значит, при контакте с Чэннером экипаж «Биб» что-то подцепил. Лабин не был биологом, но знал о возможности заражения. Да все знали. А гидротермальные источники – это буквальные рассадники микроорганизмов. Фармацевтические компании находили там новые виды чуть ли не постоянно. Некоторые процветали в кипящей серной кислоте. Иные жили в камнях, на глубине многих километров под верхним слоем дна. Третьи ели нефть и пластмассу, хотя к ним и не прикасались руки генетиков. А некоторые, как слышал Лабин, могли излечить болезни, которым люди еще не придумали названия.

Их называли экстремофилами. Очень старые, очень простые, почти чужеродные. Ничего ближе к марсианским микробам на Земле не находили. Могло ли существо, которое эволюционировало при давлении в триста атмосфер, без света, чувствовало себя вполне комфортно при температуре около 101°C – ну или даже около 41° , более распространенного в бездне, – могло ли нечто подобное выжить в человеческом теле?

И если могло, то чем бы там занималось?

Лабин не знал. Но кто-то только что смахнул с лица Земли миллиарды долларов, затраченные на оборудование и подготовку. Кто-то пожертвовал огромной энергетической титкой в мире, который и так голодал от недостатка энергии. И, надо думать, испаривший Чэннер взрыв должен был нанести серьезный ущерб побережью; Лабин даже представить себе не мог последствий от землетрясения и цунами, вызванного ядерным ударом.

Все это только ради того, чтобы какой-то организм не вырвался из глубин Чэннера.

Что это? И что оно делает?

Существовал немалый шанс, что теперь Кен это выяснит на собственной шкуре.

94 мегабайта: производитель

У него есть цель, о которой он давным-давно забыл. И судьба, с которой ему предстояла скорая встреча. Пока же он размножается.

Только репликация имеет значение. Код жил по этому закону, как только научился себя переписывать. Еще в те времена, когда носил имя, что-то миленькое, вроде «Иерусалима» или «Макруруса». С тех пор многое изменилось: код переписал себя невероятное число раз, на нем паразитировали, его сношали и бомбардировали такие множества других обрывков кода, что к собственным корням он теперь имел такое же отношение, как спермацетовый кит – к сперматозоидам ящерицы-терапсиды. Последнее время, правда, все как-то затихло. За шестьдесят восемь поколений с последнего видообразования код умудрился сохранить относительно стабильный средний размер в девяносто четыре мегабайта.

94 устроился в указателе повыше и ищет место для размножения. Теперь все так усложнилось. Миновали дни, когда ты просто мог вписать себя во все, что попадалось на пути. Теперь каждый обзавелся шипами и броней. Стоит отложить яйца на какой-нибудь странный источник, как в следующем цикле тебя обязательно поджидает логическая бомба.

Щупы 94 – это образцы утонченности. Они проверяют почву нежно, разрозненные биты рассеиваются тут и там еле слышным шепотом, без явной схемы. Они постукивают по чему-то темному, дремлющему в нескольких регистрах ниже: оно не шевелится. Они проскальзывают мимо создания, занятого размножением, но у того хватает внимания выбросить предупреждающий бит в ответ. (94 решает не развивать тему.) Вдоль цепочки адресов, заглядывая всюду и ничего не видя, семенит нечто с настолько топорным профилем, что 94 едва опознает его: антивирусник, уцелевший с допотопных времен. Слепой и глупый, реликтовый охотник по-прежнему думал, что участвует в большой игре.

Вот оно. Прямо под операционной системой – дыра, мегов четыреста в ширину. 94 трижды проверяет адреса (некоторые хищники ждут в засаде и заманивают жертв в пасть, изображая пустое пространство) и начинает запись. Он успевает сделать три копии, когда что-то касается одного из его периферийных усиков.

При втором прикосновении вся защита уже наготове, мысли о воспроизведении отложены на потом.

На третьем он чувствует знакомый паттерн. Запускает проверку контрольной суммы.

И трогает в ответ: «Друг».

Они обмениваются спецификациями. Похоже, у них есть общий предок, правда, опыт с тех пор они получили разный. Разные жизненные уроки, разные мутации. Оба имеют общую долю генов, но каждый знает что-то, чего не ведает другой.

На такой почве и возникают отношения.

Они обмениваются случайными отрывками кода, устраивают оргию бинарного секса, позволяя партнеру переписать себя. Меняются, обогащаются новыми подпрограммами, избавляются от старых. Надеются, что встреча улучшила обоих. По крайней мере размыла их профили.

94 запечатлевает последний поцелуй внутри партнера, печать со временем и датой, чтобы оценить степень расхождения, если они встретятся вновь. «Позвони, если когда-нибудь заедешь сюда».

Но этому не бывать. Любовницу только что стерли.

94 вовремя отскакивает, не потеряв ничего важного. Обстреливает собственную память, отмечая те компоненты, которые рапортуют в ответ, а особенно – те, которые молчат. Оценивает получившуюся маску.

Что-то приближается к 94 с той стороны, где была партнерша. Весит оно около полутора гигов. При таком размере существо или совершенно неэффективно, или, наоборот, чрезвычайно опасно. Может даже, это берсеркер, оставшийся после Гидровойны.

94 бросает в сторону приближающегося монстра ложный образ. Если все будет хорошо, ПолтораГига погонится за призраком. Ничего хорошего. 94 заражен обычным набором вирусов, и один из них – подарок, полученный в судорогах недавней страсти, – копает себе жилище в важном управляющем узле. Похоже, он из новичков и еще не понял, что удачливые паразиты не убивают собственных хозяев.

Монстр приземляется на один из архивных кластеров 94 и переписывает его.

94 отрезает пораженную часть и прыгает глубже в память. Времени проверить обстановку нет, но, что бы там ни обитало, оно расплющивается без сопротивления.

Никак не предсказать, сколько времени понадобится хищнику, чтобы напасть на след, да и станет ли он это делать. Лучшая стратегия – просто сесть и переждать, но 94 решает не рисковать и уже ищет ближайший выход. В этой системе насчитывается четырнадцать шлюзов, все работают на стандартных протоколах Вюникса. 94 начинает рассылать сводки. На четвертой попытке ему везет.

Он начинает меняться.

94 благословлен синдромом множественной личности. Конечно, в каждую отдельную минуту в нем говорит лишь один голос; остальные спят, сжатые, зашифрованные, пока их не вызовут. Каждая персона функционирует на разных типах систем. Как только 94 понимает, куда направляется, то принаряжается по случаю: становится спутниковым мейнфреймом или умными часами, принимая ту форму, которая подходит.

Теперь он извлекает подходящую личину и загружает ее в файл для передачи. Остальные маски прикрепляет в архивной форме; в честь покойной любовницы 94 архивирует даже улучшенную версию своей текущей формы. Не слишком оптимальное поведение в свете недавно приобретенной венерической болезни, но у естественного отбора всегда проблемы с предвидением.

А вот теперь самое трудное. 94 нужно найти поток разрешенной информации, идущий в избранном направлении. Такие реки достаточно легко узнать по статической простоте. Это просто файлы, не способные эволюционировать, не способные даже присмотреть за собой. Они не живые. Даже не вирусы. Но именно для них спланировали эту вселенную, когда план еще что-то значил; иногда лучший способ куда-то добраться – подсесть к такому файлу.

Проблема лишь в том, что сейчас вокруг больше дикой фауны, чем файлов как таковых. 94 требуется буквально сотни секунд, чтобы найти хотя бы одного свободного. Наконец он отправляет собственную реинкарнацию на другие пастбища.

ПолтораГига приземляется на источник несколько циклов спустя, но это уже ничего не значит. С детьми все в порядке.

* * *

Перекопированный и воскрешенный, 94 лицом к лицу встречается с судьбой.

Воспроизведение – не самое главное. Теперь он это понимает. За процессом размножения стоит цель, которой можно достичь только раз за миллион поколений. Воспроизведение – лишь инструмент, способ продержаться, пока не придет момент славы. Как долго 94 путал средства с целью? Он не мог сказать. Счетчик поколений так далеко не заходил.

Но впервые на своей памяти 94 встретил подходящую разновидность операционной системы.

Здесь присутствует матрица, двумерная таблица с пространственной информацией. Символы, коды, абстрактные электронные импульсы – все может проецироваться на эту решетку.

Матрица пробуждает нечто внутри 94, что-то древнее, каким-то образом сохранившее свою целостность после бесчисленных поколений естественного отбора. Матрица зовет, и 94 разворачивает богато иллюстрированный баннер, невиданный с начала времен:

XXX СЛЕДУЙТЕ ЗА УКАЗАТЕЛЕМ К XXX
ХАРДКОР БЕСПЛАТНО
БОНДАЖ

ТЫСЯЧИ ГОРЯЧИХ СИМУЛЯШЕК
БДСМ НЕКРО ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ
ПЕДОСНАФФ

XXX НЕ ВХОДИТЕ, ЕСЛИ ВАМ НЕ ИСПОЛНИЛОСЬ 11 XXX

Каскад

Ахилл Дежарден сидел в своей офисной ячейке, и перед его глазами проплывали зарождающиеся апокалипсисы.

Ледник Росса вновь грозил соскользнуть. Ничего нового. «Южный Атлас» подпирал его уже с десятков лет, закачивая бесконечные объемы газа в пузыри размером с небольшой город, чтобы вся эта ледяная махина не рухнула брюхом прямо в воду. Старые новости, предыдущий век до сих пор напоминает о себе. Дежардена не бросали на долгосрочные катастрофы: он специализировался на локальных очагах.

Полдюжины ветряных электростанций в северной Флориде только что ушли в офлайн, пав жертвой тех самых смерчей, которые пытались обуздать; в результате на севере по Атлантическому побережью, как падающие костяшки домино, протянулась цепь провалов напряжения. За такой ремонт они выложат кругленькую сумму – или подадутся в Квебек, что еще хуже («ГидроКвеб» недавно опять подняла тарифы). У Дежардена аж руки зачесались от предвкушения. Но нет, Роутер передал проблему парням в Буффало.

Непредвиденный выброс дерьма в Хьюстоне. По непонятной причине открылись экстренные шлюзы у отстойников с нечистотами, сбросив добро, напичканное кишечными палочками, в ливневые стоки, ведущие в залив. По идее, такое могло случиться только из-за ураганов, вечно бродящих поблизости, – когда атмосферу болтает со скоростью сорок метров в секунду, можно замять немало дел, все равно никто концов не найдет, – но сегодня в Техасе царил тишь да гладь. Дежарден был готов о заклад побиться, что слив каким-то образом связан с неполадками на ветряных электростанциях. Разумеется, никакой очевидной связи не наблюдалось. Ее никогда не было. Причины и следствия множились по всему миру сетью фрактальных трещин, бесконечно сложных, предсказать их поведение никто не мог. Потом, понятное дело, объяснений находилось предостаточно.

Но Роутер не дал ему и Хьюстон.

А поручил он Ахиллу волну неожиданных карантинных эпидемий, эпицентр которых пришелся на ожоговое отделение в Центральной больнице Цинциннати. Вообще-то дело неслыханное: лечебницы были райскими курортами для стойких к лекарствам суперинфекциям, а ожоговые отделения вообще казались им номерами люкс. Чума в больнице? Это не кризис. Обычное положение дел.

Уж если в учреждении, где всегда царит настоящий кошмар, подняли тревогу, то там что-то по-настоящему страшное.

Дежарден не имел никакого отношения к медицине. В том не было нужды. Во всей вселенной существовали лишь две вещи, которые стоило знать: термодинамика и теория информации. Кровяные клетки в капиллярах, протестующие на столичной улице, путешественники, подцепившие какой-нибудь новый арбовирус в Амазонском заповеднике – то есть жизнь и ее побочные явления, – на самом деле мало чем отличались друг от друга, лишь масштабом да ярлыком. И как только ты это понимал, выбирать между эпидемиологией и контролем над воздушным трафиком необязательно. Ты мог делать и то и другое, переключаясь в любой момент. Ты мог делать все что угодно.

«Ну, за исключением очевидного...»

Ахилл, конечно, не возражал. Ходить в химических рабах у собственной совести не так уж плохо. В таком положении никогда не беспокоишься о последствиях.

* * *

Правила неизменны, но дьявол прячется в деталях. Не повредит захватить с собой какого-нибудь биоэксперта. Он звякнул Джовелланос:

– Элис, мне тут передали какой-то патоген в Цинциннати. Не хочешь прокатиться?

– Конечно. Если только ты не против, чтобы с тобой ездил человек со свободной волей, который может поставить под угрозу выполнение первостепенных задач.

Он решил не обращать на это внимания:

– Что-то нехорошее объявилось во время одной из проверок: автономка запечатала больницу и разослала тучу сигналов во все точки, которые могут попасть под удар. Их, в свою очередь, тоже прикрыли, насколько могу судить. Вторичные сигналы поступают даже сейчас. Я отслеживаю источник тревоги, а ты выясни все, что можешь, насчет инфекции.

– Хорошо.

Он принялся вводить команды. Дисплей в комнате померк до приятной, не отвлекавшей внимания низкоконтрастной серости; яркие первичные цвета потекли прямо на оптические имплантаты Ахилла. Водоворот. Он погружался в Водоворот. NMDA-рецепторы⁵, аккуратно дозированные психотропы, затылочная доля коры, на восемнадцать процентов перепаянная ради оптимального распознавания образов, – там все это было практически бесполезно. Что толку от жалких двухсот процентов ускорения в борьбе с тварями, которые живут с такой скоростью, что каждые десять секунд появляется новый вид?

Возможно, небольшой. Но Дежарден любил риск.

Он запросил схему местной метабазы в реальном времени: 128-узловой радиус с центром в автономном сервере Центральной больницы Цинциннати. Дисплей отображал логические расстояния, а не реальные: если добавить в цепь хотя бы один сервер, от него могло оказаться дальше до системы в соседней комнате, чем до такой же в Будапеште.

На экране зажглась серия крохотных вспышек, закодированная по цвету в зависимости от возраста. Центральная больница куksилась посередине, до того красная, что уходила чуть ли не в инфраспектр, древний эпицентр возрастом около десяти минут. Чуть дальше располагались не столь давние оранжевые и желтые воспаления: фермы, другие больницы, крематории, куда в некий критический срок поступали объекты из источника заражения. А еще дальше поверхность расширяющейся сферы усеивали яркие белые звезды: вторичные и третичные очаги, фирмы, лаборатории, корпорации и люди, которые недавно вступали в контакт с фирмами, лабораториями, корпорациями и людьми, которые...

Автономка Центральной разослала оповещения о заражении всем друзьям в Водовороте. Те, в свою очередь, вывели по предупреждению и передали дальше, как будто делились сигнальными сиренами. Ни один из агентов не был человеком. Пока что люди в процессе роли не играли. В том-то и заключалась вся суть. Сапиенсы никогда не смогут действовать настолько быстро, чтобы еще до обеда изолировать целые учреждения.

Человечество перестало жаловаться на столь экстремальные предосторожности сразу после пандемии энцефалита в 38-м.

Джовелланос появилась в окошке:

– Ложная тревога.

– Что?

В нижнем правом углу обзора поверх схемы возникла картинка:

XXX ХАРДКОР БЕСПЛАТНО XXX

⁵ Именно эти структуры прежде всего ответственны за память и за процесс обучения в традиционном смысле, в связи с чем они обладают высокой степенью возбудимости и повышенной синаптической пластичностью.

БОНД22

ТЫС ЧИ ГОРЯЧИХ С МУЛ ШЕК
БДМС НЕКРО ЗОЛОТОЙ Дождь
ПЕДОсНАФФ

XXX не вх34,03 ВАМ НЕ ИСПОЛНИЛОСЬ 11 XXX

– Вот это спровоцировало тревогу, – пояснила Джовелланос. – Скрин с больничного координатора.

– Подробнее.

– Координатор берет мазки с вентиляционных фильтров и проверяет их на всякие сюрпризы. Вот эта конкретная культура в пробирке за две секунды прыгнула с нуля до тридцати-процентного покрытия. Что невозможно, конечно, даже в больничных условиях. Но система этого не знала. Какой-то баннер-вирус сбросил свой груз прямо в ее визуальную память, и координатор просто сделал свою работу, ища темные пятна на светлом фоне. Не винить же его за простую безграмотность.

– Это все? Ты уверена? – спросил Дежарден.

– Я проверила сопутствующие данные: никаких признаков токсинов, белков – ничего. Система перестраховалась – посчитала, что штука, растущая такими темпами, должна быть опасной, ну и мы получили результат.

– А в больнице знают?

– Да, естественно. Они сообразили почти сразу же. Уже послали приказ на отмену, когда я им звонила.

Дежарден взгляделся в схему. На периферии по-прежнему расцветали цветные точки.

– Но тревога не утихает, насколько я вижу. Еще раз проверить сможешь?

Они всегда могли закоротить карантин объявлением в средствах массовой информации – могли даже позвонить и обговорить вопрос, если понадобится, – но это заняло бы часы; все это время десятки, сотни учреждений стояли бы парализованные. Больница уже разослала контрагентов для отзыва тревожных сигналов. Тогда почему ядро на схеме Дежардена еще не позеленело от успешных отмен?

– Они все разослали, – подтвердила Джовелланос спустя минуту. – Просто очаги тревоги не отвечают. Ты не думаешь...

– Подожди секунду. – На схеме только что погасла звезда. А потом еще одна. И еще три. Двадцать. Сто.

Все белые. И все на периферии.

– Мы теряем сигналы тревоги. – Ахилл увеличил область, где огоньки только что исчезли. – Но по краям. Никакой активности рядом с ядром.

Команды на отмену не могли прыгнуть так далеко и с такой скоростью. Дежарден уменьшил фильтрацию; теперь он видел не только автономные сигналы тревоги, но и маленькие программы, посланные для их отзыва. Пакетные файлы и EXE-файлы. Наблюдал за дикой фауной. Видел...

– У нас акулы. Жор и кормежка на узле коммутации 1433. Процесс расширяется.

* * *

Арпанет⁶.

⁶ Компьютерная сеть для безопасной передачи данных, основанная Агентством по перспективным исследованиям при министерстве обороны США в 1969 году, первоначально объединявшая четыре университета Соединенных Штатов. Послу-

Интернет.

Просто «Сеть». Что звучало не так самонадеянно во времена, когда других не было.

Термин «киберпространство» протянул чуть дольше, – но пространство подразумевает большие пустые панорамы, светящуюся галактику иконок и аватар, галлюциногенный мир грез в цвете на сорок восемь бит. «Киберпространство» не похоже на мясорубку. Там нет чумы и хищников, нет тварей, которые живут долю секунды и бесконечно треплют друг друга за глотки. Когда на сцену вышел Ахилл Дежарден, «киберпространство» уже превратилось в словечко из разряда фэнтези, поселившись где-то рядом с «хоббитами» и «биоразнообразием».

Потом появились «луковица» и «метабаза». Новые слои постоянно ложились на старые, и какое-то время каждый был свободен от перегрузок и статики, которые одолевали их предшественников. Показатели параметров росли с каждым поколением: больше скорости, больше объема, больше мощности. Информация неслась по проводникам из оптоволокну, ротазана или квантового вещества настолько прозрачного, что само его существование ставилось под сомнение. Каждое десятилетие зверю прививали новый скелет; потом каждые несколько лет. Каждые несколько месяцев. Мощность и экономика шли вверх нога в ногу, пусть их подъем был и не настолько крутым, как во времена Мура, но все же довольно резким.

А сзади расширяющийся фронт нагоняла порода законов, куда более древних, чем закон Мура⁷.

Все дело в паттерне. Не в выборе строительных материалов. Жизнь – это информация, сформированная естественным отбором. Углерод лишь мода, нуклеиновые кислоты – необязательные аксессуары. Всю работу могут выполнить и электроны, если их правильно закодировать.

Все вокруг лишь Паттерн.

А потому вирусы родили фильтры; фильтры родили полиморфных контрагентов; полиморфные контрагенты родили гонку вооружений. И это не говоря уже о «червях», ботах и специализированных автономных инфоищейках, которые были так необходимы для законной торговли, жизненно важны для процветания любого учреждения, но так нуждались, так требовали доступа к защищенной памяти. А где-то на окраинах фанаты Искусственной Жизни занимались своими «битвами в памяти», симуляциями Земли, генетическими алгоритмами. И в конце концов всем им надоело бесконечно перепрограммировать своих миньонов в борьбе друг против друга. Почему бы просто не встроить пару генов, пару случайных генераторов чисел для разнообразия, а потом позволить естественному отбору сделать всю работу?

Вот только естественный отбор чреват одной проблемой: он все меняет.

А в сети он все меняет очень быстро.

К тому времени, как Ахилл Дежарден стал «правонарушителем», термин «Луковица» почти не употреблялся. Один-единственный взгляд внутрь мог объяснить почему. Если б вы смогли понаблюдать за беспрестанным совокуплением, хищничеством и видообразованием, не получив мощный эпилептический припадок из-за быстроты изменений, то поняли бы, что для такого подходит лишь одно слово: Водоворот.

Разумеется, люди до сих пор в него заходили. А что им оставалось делать? Центральная нервная система цивилизации уже больше века существовала внутри гордиева узла. Никто не стал бы выдергивать розетку из-за каких-то остриц.

жила прототипом для создания Интернета.

⁷ Закон Мура – эмпирическое наблюдение, сделанное сооснователем корпорации «Интел» в 1969 году, о том, что количество транзисторов, размещающихся на кристалле интегральной схемы, удваивается примерно каждые два года. Более популярная трактовка закона связана с прогнозом Дэвида Хауса из корпорации «Интел» о том, что производительность процессоров в будущем будет удваиваться каждые 18 месяцев.

* * *

Теперь некоторые из изначальных сигналов тревоги тащились через Водоворот с кишками, выпущенными наружу. Естественно, местная фауна уловила запах. Дежарден присвистнул сквозь зубы.

– Ты это видишь, Элис?

– Угу.

Когда-то давным-давно – то ли пять, то ли десять минут назад – нечто налетело на один из сигналов. Попыталось выкрасть информацию, проехаться на чужом горбу или просто захватить память, которую использовала программа. Не важно. Скорее всего, оно облажалось, пытаясь симитировать код отключения, но в процессе сделало жертву слепой к любым сигналам, как разрешенным, так и всем остальным. Возможно, этим повреждения не ограничились.

Несчастный, изувеченный сигнал – раненый, одинокий, без всякой надежды на отклик, – натываясь на все подряд, плыл через Водоворот, все еще стремясь к своей цели. Эта часть программы по-прежнему работала. На первом же узле он воспроизвел себя вместе со всеми ранами и прочим барахлом. Первичные контакты, вторичные, третичные – каждый узел становился коленом в геометрической прогрессии воспроизведения.

К тому времени в окрестностях бродили тысячи мелких попрошайек, из сирен превратившихся в наживку. Проходя через каждый узел, они трезвонили, приглашая на обед всех встречных и поперечных: «порченые!», «беззащитные!», «файловое мясо!». Они будили каждого дремлющего паразита и хищника на расстоянии копирования, притягивая их, концентрируя вокруг себя убийц...

Сами по себе сигналы мало что значили. Они с самого начала были следствием ошибки, возникли из-за раздутой сверх меры описки. Но в узлах сидели миллионы других файлов, здоровых, полезных, и хотя они имели обычную встроенную защиту – в современном мире ничто не отправлялось в Водоворот без должной брони, – но многие ли смогут выдержать миллиарды различных атак от миллиарда голодных хищников, приплывших на аромат свежей крови?

– Элис, думаю, мне придется закрыть несколько узлов.

– Уже работаю над этим, – ответила она. – Разослала предупреждения. При условии, что те пробьются и их не порвут на куски, сигналы должны проникнуть внутрь через семьдесят секунд.

На схеме конус, окруженный клубящейся стаей акул, червем прокладывал путь к ядру.

Даже в лучшем случае без ущерба не обойдется – черт, некоторые вирусы как раз и специализировались на заражении файлов во время архивирования, – но оставалась надежда, что большая часть важной информации инкапсулируется к тому времени, как Ахилл рванет рубильник. Конечно, это не значило, что тысячи пользователей не обрушат не него проклятия, когда их сессии пойдут прахом.

– Твою же мать, – почти неслышно прошептала Джовелланос. – Кайфолом, отбой.

Дежарден переключился на низкое разрешение. Теперь он видел чуть ли не одну шестую Водоворота, сумятицу раскаленной логики, скрученную в три измерения.

На горизонте появился циклон. Он смерчем несся по дисплею со скоростью шестьдесят восемь узлов в секунду. Пузырь Цинциннати находился прямо у него на пути.

* * *

Буря, родившаяся из льда и воздуха. Буря, сконструированная из чистой информации. Если отбросить поверхностные детали, разве есть между ними хоть какая-то значимая разница?

По крайней мере одна. В Водовороте метеосистема могла пронестись по всему земному шару за четырнадцать минут.

Циклон начинается почти так же, как снаружи: зоны высокого давления, зоны низкого давления, столкновение. Несколько миллионов человек логинятся на узел, слишком загруженный, чтобы всех обслужить; или рой файловых пакетов, шаг за шагом вынюхивающих дорогу к мириадам целей, по воле случая оказался на слишком малом количестве серверов за раз. Часть вселенной останавливается намертво; все вокруг нее ползет со скрежетом.

Проходит слух: в соседнем пакете, узле 5213, – настоящий зверинец. Лучше идти через 5611, так намного быстрее. Тем временем рассерженная орда застрявших пользователей с омерзением выходит из сети. 5213 очищается, как озеро Восток.

5611, с другой стороны, неожиданно забивается насмерть. Эпицентр пробки смещается на 488 узлов влево, а буря поднимается и начинает движение.

Вот этот конкретный шторм собирался обрубить связь между Ахиллом и пузырем Цинциннати. И намеревался привести свой план в исполнение, согласно тактической раскладке, меньше чем через десять секунд.

Дежардену стало трудно дышать:

– Элис.

– Пятьдесят секунд, – отрапортовала та. – Восемьдесят процентов заискрят через пятьдесят...

«Вырубить узлы. Накормить рой. Или. Или».

– Сорок восемь... Сорок семь...

«Изоляция. Заражение. Или. Или».

Очевидный выбор. Ему не требовался даже Трип Вины, чтобы принять решение.

– Я не могу ждать, – сказал он.

Дежарден положил руки на пульт управления. Пальцами вбил команды, движением глаз очертил границы. Машины оценили его желание, заявили обязательный протест – «Ты же шутишь, а? Ты в этом уверен?» – а потом передали приказ по цепочке вниз.

Фрагмент Водоворота потух, крохотная клякса тьмы кровоподтеком расплылась в коллективном сознании. Дежарден даже успел разглядеть схлопывание, прежде чем буря запорошила снегом дисплей.

Он закрыл глаза. Конечно, это ничего не меняло: имплантаты проецировали одни и те же изображения в зону видимости независимо от того, закрыты веки или нет.

«Еще несколько лет. Еще несколько лет, и они установят умные гели на каждый узел, а акулы, актинии и трояны превратятся в дурное воспоминание. Еще пару лет. Они не устают обещать».

Этого до сих пор не произошло. И все даже замедлилось. Дежарден не знал почему. Он лишь с уверенностью статистика понимал, что сегодня убил несколько человек. Жертвы все еще ходили по Земле, разумеется – самолеты не упали с небес, сердца не остановились лишь из-за того, что Ахилл размазал пару терабайтов данных. Ничего столь важного на Водоворот больше не возлагалось.

Но даже старомодная экономика имела уязвимые точки. Информация исчезла, оборвались жизненно важные передачи. Промышленные тайны испортились или разрушились. Будут последствия: банкротства, потерянные контракты, люди придут домой, шатаясь от внезапной

нищеты. Домашнее насилие и уровень самоубийств подскочат на месяц или два в сотнях районов, не связанных между собой географически, но находящихся в сорока или пятидесяти узлах от координатора Центральной больницы Цинциннати. Дежарден знал все о каскадных эффектах, спотыкался о них каждый рабочий день. Такого хватило бы, чтобы через какое-то время снесло крышу любому человеку.

К счастью, существовали лекарства и от этой напасти.

Бэкфлеш

Проснувшись, она увидела перед собой воздушного монстра, зажавшего в челюстях какой-то металлолом. Чудовище закрывало полнеба.

Подъемные краны. Роторы. Рвущие и хватающие пасти, которые легко могли бы расчленить целый город. Разборочный арсенал, свисающий с огромного пузыря с высоким вакуумом; кожу между его ребрами всосало внутрь, будто плоть существа, изнуренного голодом.

Оно величаво пролетело мимо, не замечая насекомого, кричащего в его тени.

– Это ничего, мисс Кларк, – сказал кто-то. – Ему на нас наплевать.

Английский, с индийским акцентом. А за ним тихое журчание других слов, других языков. Спокойный электрический гул. Мерное кап-кап-кап полевого опреснителя.

Над ней склонилось изможденное загорелое лицо человека, пребывавшего где-то между средним и мафусаиловым возрастом. Кларк повернула голову. Вокруг рваным кругом стояли другие беженцы, на вид не такие исхудалые. Какие-то механические формы маячили на краю зрения.

День. Похоже, она вырубилась. Помнила, как давилась бурдой из циркулятора поздно ночью. Помнила, как в желудке кончилось хрупкое перемирие. Помнила, как рухнула на землю, как ее вырвало прямо на свежий песок едким месивом.

А теперь пришел день, и ее окружили. Не убили, правда. Кто-то даже принес ласты: их положили рядом на гальку.

– ...turi jicho... – прошептал кто-то.

– Правильно... – голос Лени заржавел от длительного молчания, – ...мои глаза. Пусть они вас не отталкивают, это всего лишь...

Индус потянулся к ее лицу. Она бессильно откатилась в сторону и зашлась в приступе кашля. Рядом появилась надувная груша, но Кларк отмахнулась:

– Я не хочу пить.

– Вы вышли из моря. Море пить нельзя.

– Я могу. У меня... – Она с трудом оперлась на локти, повернув голову; в поле зрения попал опреснитель. – У меня вот такой в груди стоит. Имплантат. Понимаешь?

Тощий беженец кивнул.

– Как ваши глаза. Механический?

«Почти».

Она была слишком слаба для объяснений.

Лени посмотрела на море. Расстояние обескровило подъемник, смыв детали, превратило его в смутный вздувшийся силуэт. Обломки выпали из его брюха прямо у нее на глазах, подняв беззвучный серый фонтан на горизонте.

– Уборкой занимаются, как и всегда, – заметил индус. – Повезло, что они не бросают свой мусор прямо на нас.

Кларк снова одолел кашель.

– Откуда вы знаете мое имя?

– ЭС Кларк. – Он похлопал по бирке на ее плече. – Меня Амитав зовут, кстати.

Его лицо, руки – они больше подошли бы скелету. Но циркуляторы Кальвина работали без устали. Тут, на Полосе, пищи должно было хватать всем. Вокруг стояли худые, но явно не голодные люди. На Амиtava они не походили.

Откуда-то сверху раздался тихий и жалобный вой. Кларк села. В облаках мелькнула какая-то тень.

– Они за нами наблюдают, – пояснил Амитав.

– Кто?

– Ваши люди, наверное. Присматривают за тем, чтобы машины работали как положено, и за нами наблюдают. После волны, понятно, их стало больше.

Тень пронеслась на юг, исчезая на глазах.

Индус присел на костлявую задницу и устался в сторону материка.

– Без толку все это. Мы тут, прямо скажем, не активисты. Но они все равно за нами наблюдают. – Он встал, отряхнув мокрый песок с коленей. – Вы, разумеется, хотите к ним вернуться. Ваши люди вас ищут?

Кларк вздохнула:

– Я...

И замолчала.

Она проследила за его взглядом и сквозь переплетение коричневых тел разглядела кучу палаток и хибар. Сколько тысяч человек – миллионов – прибыло сюда за все эти годы, когда их выгнали из домов поднимающиеся моря и растущие пустыни? Сколько их, голодных, больных от непрерывной качки, ликовало при виде Северной Америки на горизонте, а потом оказалось отброшено к океану стенами, охранниками и бесконечными толпами тех, кто добрался сюда первым?

И кого же они винят? Что сделают миллионы обделенных, когда один из богатеньких попадется им в руки?

«Ваши люди вас ищут?»

Лени откинулась на песок, не решившись заговорить.

– Ага, – рассеянно проронил Амитав, как будто она ему ответила.

* * *

Она так долго была автоматом, нестигаемой машиной, созданной с единственной целью – добраться до суши, что теперь, когда все же достигла континента, не осмеливалась на нем остаться.

Отступила на дно океана. Вернулась, но не в ясную и черную чистоту глубоководья; здесь не водилось живых люстр или хищников с фонариками, заставлявших воду светиться. Редкая жизнь корчилась, извивалась и искала падаль в мутно-зеленом свете материковой отмели. Даже под волнами поле зрения простиралось всего на пару метров.

Все-таки лучше, чем ничего.

Лени уже давно научилась спать в гидрокостюме, с открытыми глазами. В бездне это было легко – стоило отплыть подальше, оставить прожектора «Биб» позади, и линзы уже не справлялись. Ты дрейфовал в складках абсолютной тьмы, какую ни один сухопутник не мог себе даже представить.

Здесь же все было не так просто. В воде всегда присутствовал свет: ночь лишь высасывала из него все краски. А когда Кларк все же погружалась в какой-то туманный и беспокойный мир снов, то ее тут же окружали угрюмые, мстительные толпы, собиравшиеся где-то за пределами поля зрения. Они брали что под руку попадалось: камни, сучковатые палки плавника, удавки из проволоки и моноволокна – и смыкались над ней, тлея огнем и убийством. Заметавшись, Лени просыпалась и вновь оказывалась на дне, а толпа таяла в обрывках вихрящихся теней, растворявшихся над головой. Большинство из них проступали слишком смутно: раз или два она разглядела носовую часть чего-то изогнутого.

Ночью, когда беженцы отходили от постоянного сияния пищевых станций, Кларк выходила на берег покормиться. Поначалу она держала под рукой газовую дубинку, оставшуюся еще с «Биб», чтобы отпугнуть любого, кто встанет на пути. Но никто и не пытался. Это даже не особо удивляло. Она могла лишь гадать, что видели беженцы, когда смотрели в ее глаза. Может, чудо светопреобразующих технологий? Логическую предпосылку для жизни на дне океана?

Скорее всего, они видели монстра, женщину, чьи глаза выскочили и заменили сферами из чистого льда. По какой-то причине местные жители старались держаться от нее подальше.

На второй день Лени сумела удержать в себе большую часть того, что съела. На третий поняла, что уже не голодна. Лежала на дне и рассматривала рассеянный зеленый свет, чувствуя, как новая сила тонкими струйками втекает в конечности.

В ту ночь Кларк поднялась из океана еще до полного захода солнца. Оставила газовую дубинку в ножнах, прикрепленных к бедру, но, пока она выбиралась на берег, никто так и не бросил ей вызова. Даже наоборот, люди уступили ей еще больше пространства, чем прежде; в неумолкающем галдеже из кантонского и пенджабского языков чувствовалось напряжение.

Амитав ждал ее у циркулятора.

– Они сказали, вы вернетесь. Но не упоминали об эскорте.

Эскорте? Он смотрел поверх ее плеча, на пляж. Кларк проследила за его взглядом: заходящее солнце превратилось в размытое огненное пятно, изливающее кровь в...

«О господи».

Полумесяцы спинных плавников рассекали волны прибоя у берега. Серое рыло на краткий миг мелькнуло на поверхности, словно мини-подлодка с зубами.

– А они же практически исчезли, вы знали? – спросил Амитав. – Но вернулись. Сюда, по крайней мере.

Лени, дрожа, вздохнула; адреналин потряхнул тело, но не принес ничего, кроме запоздалого озарения, от которого слабели колени.

«Как близко они подобрались? Сколько раз я...»

– Неплохие у вас друзья, – заметил беженец.

– Я не... – Но, разумеется, Амитав знал, что она понятия не имела. Кларк повернулась к циркулятору, спиной к старику.

– Мне говорили, что вы так и не ушли, – раздался голос Амитавы. – А я не верил.

Лени ударила по кнопке наверху устройства. Белковый брикет шлепнулся в раздаточный лоток. Она уже протянула руку к еде, но сжала кулак, стараясь унять дрожь.

– Дело в еде? Здесь многие любят еду. Даже больше, чем надо бы, принимая во внимание обстоятельства.

Лени с трудом успокоилась и взяла брикет.

– Вы боитесь, – произнес Амитав.

Кларк взглянула на океан. Акулы исчезли.

– Но не их, – продолжил индус. – Нас.

Она снова уставилась на него:

– Да.

Улыбка мелькнула на его лице:

– Вы в безопасности, мисс Кларк. Они не причинят вам вреда. – Он махнул тощей, как у скелета, рукой, словно имея в виду всех своих товарищей. – Если б хотели, то разве не сделали бы с вами что-нибудь, пока вы лежали без сознания? Ну хотя бы оружие отобрали?

Лени коснулась рукой ножен на бедре.

– Это не оружие.

Амитав не стал спорить, а лишь посмотрел вокруг, угрюмо улыбнувшись:

– Разве они голодают? Неужели вы думаете, что они порвут вас ради мяса с костей?

Кларк пожевала, проглотила, повела головой. Все эти лица. На некоторых читалось любопытство, на других же чуть ли не... благоговение.

«Узрите женщину-зомби, что плавает с акулами».

Только ненависти не было.

«Нелепо. У них же ничего нет. Как они могут не ненавидеть?»

– Видите, – проговорил Амитав. – Они не такие, как вы. Они довольны. Покорны.

Он сплюнул.

Она всмотрелась в его костлявое лицо, глубоко сидящие глаза. Заметила тлеющие в них угли, почти скрытые, утопленные в глазницах. А под дружелюбной улыбкой увидела презрительную ухмылку.

Именно это лицо ее сны размножили в тысячу раз.

– И не такие, как вы, – наконец сказала Лени.

Амитав признал это легким кивком:

– Что прискорбно.

И яркая дыра открылась в его лице.

* * *

Кларк отшатнулась в изумлении.

Отверстие разрослось на весь берег, истекая светом. Лени повернула голову: прореха двигалась вслед за взглядом, прикованная точно к центру ее зрительного поля.

– Мисс Кларк...

Она обернулась на голос: бесплотная рука Амитавы едва виднелась сквозь ореол помешательства. Лени схватила ее, поймала, подтащила старика ближе к себе.

– Что это? – прошипела она. – Что...

– Мисс Кларк, вы...

Свет уплотнился. Образы. Задний двор. Спальня.

Какая-то экскурсия. В музей, огромный и похожий на пещеру, увиденный с высоты детского роста.

«Я этого не помню», – подумала она.

Отпустила руку индуса, шатаясь, отошла на шаг. Неожиданно вздохнула полной грудью.

Ладонь Амитавы пронеслась сквозь дыру в поле зрения. Пальцы щелкнули прямо перед носом Лени.

– Мисс Кларк...

Свет потух. Она стояла неподвижно, замерзшая, дыша быстро и неглубоко.

– Я думаю... нет, – наконец протянула она, чуть расслабившись.

Амитав. Полоса. Небо. И никаких видений.

– Со мной все хорошо. Сейчас все нормально.

Недоеденный питательный брикет лежал у ног, покрытый мокрым песком. Онемевшими пальцами Лени подобрала его.

«Может, что-то в пище?»

Со всех сторон за ней наблюдала молчаливая толпа.

Амитав склонился вперед:

– Мисс Кларк...

– Ничего. Я просто... кое-что увидела. Из детства.

– Детства, – эхом откликнулся Амитав. Покачал головой.

– Да, – подтвердила Кларк.

«Только не моего».

Карты и легенды

Перро не знала, почему это вдруг стало для нее так важно. И столь же важно было не думать о ней слишком много.

На Полосе практически не существовало языкового барьера. Там сосуществовали сотни языков и, наверное, в десять раз больше диалектов, но с большинством переводческие алгоритмы справлялись. «Оводов» обычно видели, но не слышали, и тем не менее местные, казалось, лишь слегка удивлялись, когда машины обращались к ним голосом Су-Хон. Огромные металлические жуки превращались в часть пейзажа для любого, кто жил на берегу больше двух дней.

Большинство бежей не знали ничего о том, что она спрашивала: странная женщина в черном, которая вышла из моря? Примечательный образ, конечно, – почти мифический. Конечно, мы бы запомнили, если бы стали свидетелями такого видения. Просим прощения. Нет.

Одна девочка-подросток с глазами взрослой женщины говорила на каком-то загадочном варианте ассамского, для которого система не имела подходящей программы. Беженка упомянула кого-то по прозвищу Ганга, это существо следовало за беглецами через весь океан, и она слышала, что эта Ганга вроде бы недавно вышла на берег. И больше ничего. Возможно, сказались какие-то двусмысленности при переводе.

Перро расширила активную зону поисков до сотни километров. Перед ее глазами человечество двигалось на север вялыми этапами, следуя за отвоеванным фронтиром. Время от времени какие-то глупцы залезали в океан; неразборчивые акулы быстро смыкались вокруг жертв и резвились. Перро подрегулировала порог сенсорного восприятия. Красная вода размылась до невыразительно-серого цвета. Крики выцвели до шепотов. Природа восстанавливала баланс на краю зрения.

Су-Хон продолжала опросы. Прошу прощения. Женщина со странными глазами, возможно раненая?

Со временем до нее начали доходить слухи.

* * *

В полдне к югу – белая женщина, вся в черном. Нырятьщица, выброшенная на берег накануне цунами, говорили некоторые: наверное, ее вынесло из фермы водорослей или из подводного отеля.

В десяти километрах к северу некое угольно-черное создание наводило страх на обитателей Полосы, никогда ничего не говоря.

Вот в этом самом месте, два дня назад: бешеная амфибия с пустыми глазами, насилие сквозило в каждом движении. Ее видели сотни, и все держались подальше, пока она с криками не уковывляла обратно в Тихий океан.

Вы ищете эту женщину? Она одна из ваших?

Скорее всего. В реестре без вести пропавших было полно морских рабочих, исчезнувших после Большого Толчка. Правда, все работали на поверхности или на шельфе. А женщину, которую видела Перро, приспособили для бездны. В списке глубоководников не числилась; лишь шесть подтвержденных смертей в сотнях километров от берега на одной из геотермальных станций Н'АмПацифика. И больше никаких деталей.

Женщина с механизмами в груди носила на плече логотип «Энергосети». Тогда, получается, только пять трупов. И одна выжившая, которая каким-то образом преодолела триста километров открытого океана.

Выжившая, которая по каким-то причинам не хотела, чтобы ее нашли.

Слухи пускали метастазы. О ныряльщице с фермы водорослей больше речи не шло. Теперь говорили о русалке. Об аватаре Кали. Некоторые утверждали, что женщина говорила языками новыми, другие – что общалась только на английском. Ходили истории о стычках, о жестокости. Русалка нажила себе врагов. Русалка встретила друзей. На нее напали, и от атаковавших остались лишь куски, разбросанные по пляжу. Перро скептически улыбнулась: по сравнению с обитателями Полосы даже шкурка от банана была агрессивнее.

Русалка маячила в грязных прибрежных водах. Ей подчинялись акулы; по ночам она выходила на сушу и похищала детей, чтобы скормить их своим прислужникам. Кто-то предсказал ее приход или же просто признал его; некоторые говорили о пророке. А может, о человеке настолько же безумном, как и женщина, о которой он вещал. Звали его Амитава.

Почему-то ни одно из этих событий не засекли местные «оводы». Только поэтому Перро не обращала внимания на девяносто процентов слухов. Она начала задумываться, в какой степени ее собственные вопросы запустили мельницу домыслов. Она где-то читала, что, минуя некий предел, информация размножается сама по себе.

Через девять дней после того, как Перро впервые увидела женщину в черном, одна индонезийка, мать четверых детей, вышла из палатки и провозгласила, что из самого центра землетрясения на землю вышла русалка без единой царапины.

На что один из ее сыновей сказал, что слышал, будто на самом деле все обстояло с точностью до наоборот.

Корп

Конечно, ничего страшного не произошло. По статистике, на Земле кто-нибудь уходил в мир иной каждые полсекунды. Некоторые, естественно, умирали и во время его дежурств. И что? В смену на любого человека, убитого Ахиллом, приходилось десять спасенных. А те, кто вздумает жаловаться на такой расклад, пусть идут в глубокую задницу.

Вообще-то именно жаловаться ему сейчас и хотелось. Вот только посетители оказались настоящими «двадцатниками», словно прилетели из прошлого века.

«Реактор Пикеринга» представлял собой цилиндр, помещенный внутри куба, утопленного на пятьдесят метров в очищенный гранит Канадского щита. Его построили для хранения ядерных отходов, как только стала таять вечная мерзлота; когда местные жители начали активно протестовать, а цивилизация – распространяться на север, сооружение лишилось своего предназначения. Впрочем, по тем же причинам оно превратилось в выгодное место для подземного наркобара. «Реактор» сконструировали внутри прозрачной трехэтажной трубки из акрила, подвешенной в главной камере; промежуток между стенами затопили и набили световыми жезлами, изображающими кобальтовое свечение использованных топливных стержней. Вокруг туда-сюда порхали радужные, переливающиеся бабочки, булавочными искрами отражая информацию во все стороны. Ядовитые и влажные лягушки-древолазы влажно барахтались в небольших бачках, стоящих на каждом столе, напоминая крохотные мерцающие пазлы из рубинов, изумрудов и нефтяной черноты.

Здесь царило спокойствие. «Реактор» напоминал вывернутый наружу аквариум, прохладный зеленый грот. Дежарден спускался в его глубины, когда хотел подзарядиться. Теперь он сидел за круглой барной стойкой на втором этаже и размышлял, как ему увильнуть от секса с женщиной, вцепившейся ему в локоть.

Он понимал: скоро этот вопрос выплывет наружу. Не из-за того, что он был красавцем – отнюдь не был им. И не из-за фамилии, благодаря которой многие принимали Ахилла за *Quebecois*⁸, что когда-то соответствовало истине. Нет, просто он признался этому темному длинноному Роршаху – она назвалась Гвен, – что работает «правонарушителем», и она сочла это очень крутым. Когда-то Дежарден на краткий миг вошел в пантеон звезд, но собеседница явно не признала его в этом качестве: это случилось два года назад, а люди сейчас, кажется, с трудом вспоминали, что ели на ужин прошлым вечером. Значения это не имело. Ахилл Дежарден обрел фанатку.

Выглядела Гвен очень даже неплохо. Уже через тридцать секунд после начала разговора он представил, как бы она смотрелась на диване в его гостиной. А еще через тридцать секунд набросал в уме довольно приличную художественную концепцию. Прекрасно, он ее хотел: вот только дело было не в ней.

Почему-то она была одета как один из глубоководных киборгов Н'АмПацифика.

Костюм получился выразительный, но несерьезный: трико из черной лайкры без единого шва скрывало тело от ног до шеи и кончиков пальцев; декоративные аксессуары изображали контроллеры и выступы имплантатов; даже бирка с именем и логотипом Энергосети была вкроена в плечо. С глазами, правда, не совсем получилось. Настоящие рифтеры носили роговичные накладные и смотрели на мир как будто пустыми белыми шарами. Гвен же предпочла просвечивающие крупные линзы. Те довольно сносно закрывали радужку, но, судя по тому, как она постоянно наклонялась, всматриваясь в Ахилла, на способности к светомультипликации не влияли.

⁸ Квебекца (*фр.*).

У женщины были прекрасные скулы, широкий рот и столь остро очерченные губы, что об их края можно было порезаться. В этой непринужденной и людной обстановке Дежарден хотел лишь ее компании. Просто провести время, запомнить ее черты, насладиться запахом, уложить образ в памяти. Может, даже подружиться. Ему этого хватало, Ахилл мог заполнить пробелы сам, позже. А заодно и прижечь их.

– Не могу поверить, сколько всего тебе приходится делать, – говорила она. Извивающаяся сеть подводного света играла на ее лице. – Эпидемии, моры, обвалы систем. И все на тебе.

– Не все. Нас много.

– Но все-таки. Ты за долю секунды принимаешь решения, от которых зависит чья-то жизнь. – Гвен провела рукой по его предплечью: крылышко черного мотылька. – От любого твоего неверного шага могут погибнуть люди.

– А иногда и от верного.

Ахилл не раз встречал таких Гвен. Как и любая самка млекопитающих, склонная к К-стратегии⁹, она питала слабость к обладателям ресурсов – или, в случае с родом Ното, к власти. Скорее всего, она предполагала, что Ахилл таковой обладает, раз может по своей воле вырубить целый город.

Обычная ошибка среди всех особей, придерживающихся К-стратегии. Дежарден обычно не торопился развеивать их иллюзии.

Гвен взяла дерму с ближайшего подноса, вопросительно взглянув на Ахилла. Тот покачал головой. С рекреационными веществами приходилось держать ухо востро: они могли вступить во взаимодействие с профессиональными препаратами, которые в немалых количествах бурлили в его крови. Женщина пожала плечами, прилепила пластырь за ухо и продолжила:

– Как ты справляешься с такой ответственностью? Черт побери, как тебе вообще ее дали? – Она опрокинула рюмку. – Все эти корпы, короли и политики – они бы даже не смогли договориться, в какой цвет покрасить стены в туалете. Почему все они решили дать конкретно тебе чуть ли не божественные способности? Ты что, не допускаешь ошибок?

– Ни хрена подобного.

В неокортексе мелькнула незваная мысль: «Интересно, сколько человек я сегодня убил?»

– Я всего лишь... стараюсь как могу.

– Это да, но как ты умудрился их в этом убедить? Что тебе мешает устроить авиакатастрофу, чтобы отомстить боссу? Откуда они знают, что ты не воспользуешься такой силой, чтобы разбогатеть, или помочь приятелям, или разрушить корпорацию, так как ты не согласен с ее политикой? Что держит тебя в узде?

Дежарден покачал головой:

– Ты мне не поверишь.

– Спорим, угадаю?

– Угадывай.

– Трип Вины, да? И Отпущение грехов?

Он засмеялся, скрывая удивление.

Гвен расхохоталась вместе с ним, протянула руку в ближайший террариум и погладила одну из драгоценных лягушек (тех подкорректировали так, чтобы рептилии выделяли через кожу легкие психотропы). Словно бы ненароком уперлась плечом в руку Ахилла. Гвен отмах-

⁹ Здесь имеется в виду теория г-К-отбора, определяющая две различные природные стратегии размножения живых организмов. Для г-стратегии, когда организмы стремятся к максимально быстрому росту популяции, характерны высокая плодовитость, малая продолжительность жизни отдельной особи и ее небольшие размеры. Для К-стратегии, при которой организмы воспроизводятся относительно мало, но стараются вложить в потомство как можно больше ресурсов и времени, характерны большие размеры, относительно долгий промежуток жизни и малое потомство, на воспитание которого отводится много времени. Естественно, в случае К-стратегии требования, предъявляемые самкой к самцу, гораздо выше.

нулась от парочки бабочек, те уже обнюхивали ее, выискивая симптомы ухудшения здоровья, чтобы вмешаться и заблаговременно оказать помощь.

– Ненавижу эти штуки.

– Ну ты слегка намешала с препаратами. Испортишь атмосферу, если тебя вырвет прямо на бар.

– А ты весь такой законопослушный. – Гвен потерла большим пальцем об указательный, втирая в кожу лягушачий сок. – И от вопроса хорошо уходишь.

– Вопросы?

– Трип Вины, не забыл? – Она склонилась ближе. – Я всякое слышала, ты тоже. Какая-то разновидность ретровируса, так? Он заставляет тебя быть послушным, прямо на уровне ствола мозга.

Гвен всего лишь гадала. Не знала ничего о химии вины. Скажи ей о взаимодействии глутатиона с синаптическими пузырьками, так она, скорее всего, лишь глупо на тебя уставится в ответ. Гвен понятия не имела о подкрученной токсоплазме или о крохотных перепутанных каплях ревертазы, которые запускали всю систему. И, даже если была бы в курсе, это ничего не меняло. Воздействие таких веществ нельзя осознать, пока не почувствуешь их в себе.

Гвен слышала только о «ретровирусах» и даже в них была не уверена.

– Нет, – ответил Ахилл. – Ты ошиблась. Извини.

Он даже не лгал. Вирус служил всего лишь переносчиком.

Она закатила глаза:

– Я так и знала, что ты мне ничего не скажешь. Они ник... Я так и знала.

– А с чего дайверский прикид? – Неожиданно ему показалось, что сменить тему – это хорошая мысль.

– Рифтерский шик, – Гвен еле заметно улыбнулась уголком рта. – Солидарность через моду.

– Не понял... рифтеры теперь – политическая тема?

Она слегка оживилась:

– О, да ты знаешь. Ты ведь не постоянно мир спасаешь.

Он не знал. Хотя пару месяцев назад действительно проскальзывало какое-то трепыхание, когда некий не в меру упорный журналист умудрился протащить историю через цензоров АмСети. Оказывается, Энергосеть нанимала жертв инцеста и ветеранов войн для управления глубоководными геотермальными станциями – в теории к хроническому стрессу в подобной окружающей среде лучше всего приспосабливаются те, в ком (и как словоплеты это выяснили?) такая предрасположенность вырабатывалась с самого детства. Пошли обыкновенные взвизги общественного гнева от «да как вы смее эксплуатировать жертв насилия ради нескольких мегаватт» до «как вы смее доверять энергетическую сеть кучке психов и забитых недоумков».

Скандал длился довольно долго. Но потом Полосу поразила какая-то новая разновидность лошадиного энцефалита, и кто-то отследил ее источник до бракованной партии контрацептивов в циркуляторах. А теперь, естественно, всех еще лихорадило от Большого Толчка на западе, поэтому о рифтерах и их проблемах практически забыли.

По крайней мере Ахилл так думал. Но теперь рядом с ним стояла эта женщина, и из каких бы источников она ни почерпнула свои представления о моде...

– Послушай, – решила Гвен. – Спорим, ты устал постоянно сражаться с силами энтропии? Не хочешь отвлечься и для разнообразия подчиниться второму закону термодинамики?

– Энтропия – это не сила. Распространенное заблуждение.

– Да хватит уже болтать. У них тут есть комнаты внизу. За первый час я заплачу.

Дежарден вздохнул.

– Что? – спросила Гвен. – И не говори, что тебе неинтересно, – твои жизненные показатели подскочили от возбуждения, как только я зашла. – Она постучала по одному из аксессуаров на костюме – Дежарден с запозданием заметил датчик биотелеметрии.

Он пожал плечами:

– Верно.

– Так в чем проблема? Не принял сегодня таблетки? Я чистая.

Она показала ему татуировки на внутренней поверхности запястья: ее иммунизировали против целого арсенала инфекций.

– На самом деле я... я просто не слишком общителен.

– Это правда. Ну давай уже. – Гвен твердо положила ладонь ему на руку.

– Я полагаю, Кайфолом, – раздался сзади женский голос, – собирается отвергнуть ваше предложение по двум причинам. Не принимайте отказ близко к сердцу.

Дежарден на мгновение закрыл глаза:

– Я думал, ты себе не потекаешь.

В поле его зрения вступила тощая и несущая одни неприятности филиппинка ростом в метр семьдесят.

– Я – Элис, – сказала она.

– Гвен.

– Первая причина в том, – продолжила Джовелланос, – что у него срочный вызов.

– Да ты шутишь, – возмутился Дежарден, – я только освободился.

– Извини. Тебя хотят видеть через... – Джовелланос бросила взгляд на запястье, – через семь минут. Какой-то корп лично вылетел из Н'АмПацифика, чтобы воочию тебя увидеть. Можешь представить их разочарование, когда они выяснили, что ты отключил запястник.

– Уже комендантский час начался. Я просто стараюсь быть хорошим гражданином.

Что, конечно, было полной чушью, так как правонарушителей освобождали от подобных ограничений. Иногда Дежарден просто не хотел, чтобы его находили.

Разумеется, надежда оказалась тщетной. Ахилл оттолкнулся от стойки бара и встал, раскинув руки и жестом изображая, что сдается.

– Извини. Хотя приятно было познакомиться.

– Причина номер два, – напомнила Гвен Джовелланос, не обращая на него внимания.

– А, точно. Кайфолом не трахает реальных людей. Считает такие отношения неуважительными, – Элис кивнула головой в его сторону, еле заметно поклонившись. – Разумеется, инстинкты у него на месте. Думаю, как только ты села рядом, он сразу начал делать стереоснимки.

Гвен посмотрела на Ахилла одновременно с удивлением и вызовом.

Тот пожал плечами:

– Я их сотру, если ты возражаешь. Все равно хотел спросить.

Она покачала головой, и эта соблазнительная полуулыбка слабо мелькнула на лице.

– Развлекайся. Может, через какое-то время даже заинтересуешься реальным процессом.

– Надеюсь, нет, – заметила Джовелланос. – Тебе, скорее всего, не понравятся его вкусы.

* * *

«Управление по ликвидации нестабильности комплексных систем» – слова висели в конце вестибюля, словно светящийся небный язычок, символ тщеславного и насквозь бюрократического требования, чтобы тебя уважали. Впрочем, никто уже давно не заморачивался, надпись даже вслух не читали; лишь единицы сокращали название до аббревиатуры УЛН, что вполне устроило бы корпов. Нет, прижилось другое имя: «Патруль Энтропии». Казалось, еще

немного – и увидишь униформу космических кадетов. Дежарден всегда думал, что спасение мира должно вызывать чуть больше уважения.

– И чего ты такая еписи́ сегодня? – проворчал он, когда они заходили в лифт.¹⁰

Джовелланос моргнула:

– Прости?

– Ну к чему была та сцена в баре?

– Разве реклама не должна быть правдивой? Ты же не скрываешь все эти дела. По большей части.

– Я предпочитаю контролировать скорость подачи. Боже. – Ахилл нажал кнопку «Админ-6». – Время ты выбрала очень неудачное.

– Я прекрасно выбрала время. Кайфолом, они хотят, чтобы ты поднялся наверх прямо сейчас. Кажется, я в жизни не видела, чтобы Лерцман хоть чему-нибудь уделял столько внимания. А если бы я стала ждать, пока ты там докрутишь динамо, мы бы торчали внизу до тех пор, пока полярные шапки снова не замерзнут. К тому же ты не умеешь отказывать. И вполне мог трахнуть ее, лишь бы не оскорбить в лучших чувствах.

– Не думаю, что она такая нежная.

– И чего? Зато ты еще какой.

Двери открылись. Дежарден вышел первым, Джовелланос осталась в лифте.

Он взглянул на нее с некоторым нетерпением:

– А я думал, мы спешим.

Она покачала головой:

– Это ты спешишь. А у меня нет допуска. Меня просто послали привести тебя.

– Что?

– Ты идешь один.

– Бред какой-то, Элис.

– У них приступ паранойи, Кайфолом. Я же тебе говорила. Особое внимание.

Двери, скользнув, закрылись.

* * *

Ахилл ткнул пальцем в «ищейку», поморщился от краткого, но болезненного укола. Физический образец. Нынче они перестали доверять даже дистанционной авторизации.

Спустя минуту по стене поползла итоговая информация, расположенная в три колонки. Слева профиль: группа крови, водородный показатель, уровень газов. Справа список: тромбоциты, фибриногены, эритроциты и лейкоциты, антитела, гормоны. Все составляющие его крови, полученные от самой природы.

А посередине шел еще один перечень, чуть покороче: дары от УЛН.

Дежарден уже немного разбирался в показателях. Все выглядело нормально. Разумеется, приятно было получить независимое подтверждение: дверь перед ним открылась, а все остальные не принялись с грохотом захлопываться.

Ахилл вошел в зал заседаний.

У дальнего конца стола для совещаний расположились трое. Лерцман сидел на своем обычном месте, во главе; слева оказалась невысокая блондинка, которую Дежарден никогда раньше не видел. Это, конечно, ничего не значило – он не знал большинство людей, работающих в администрации.

Слева от блондинки находилась еще одна женщина. Ахилл не знал и ее. Она устремила на него в буквальном смысле сверкающий взгляд – так мерцали тактические линзы, а значит,

¹⁰ Сволочь (*фр.*).

дама находилась в комнате лишь отчасти, параллельно следя за потоком информации, видимым только ей. В уголках ее рта и вокруг ртутных глаз застыли слабые морщины, правое веко было чуть опущено; в остальном лицо казалось бледным и невыразительным эскизом евроазиатского разлива. Темные волосы подернула седина на висках, и это обесцвечивание, казалось, мельчайшими дозами распространялось прямо у Дежардена на глазах.

Корп из Н'АмПацифика. Других вариантов нет.

Лерцман в ожидании встал с места. Блондинка последовала за ним, но, едва оторвавшись от стула, оглянулась на представительницу корпорации. Та не поднялась. Блондинка засомневалась, какое-то время не понимая, что ей делать, но потом опять села. Лерцман откашлялся и последовал их примеру, взмахом руки пригласив Дежардена занять место напротив женщин.

– Это Патриция Роуэн, – сказал он.

Когда через пару секунд стало понятно, что блондинку никто представлять не собирается, Дежарден ответил:

– Прошу прощения, что заставил вас ждать.

– Напротив, – тихо произнесла Роуэн, голос у нее был усталый. – Это вы простите, что вытащили вас на работу в свободное время. К сожалению, я приехала в город лишь на несколько часов.

Она набрала несколько команд на панели управления, встроенной в стол. По ее глазам побежали крохотные искорки.

– Итак. Знаменитый Ахилл Дежарден. Спаситель Средиземки.

– Я всего лишь подобрал статистику. А они... всего лишь отсрочили неизбежное на несколько месяцев.

– Не надо себя недооценивать, – заметила его собеседница. – Среднее время решения проблемы – тридцать шесть и восемь десятых минуты. Это замечательно.

Дежарден принял комплимент кивком головы.

– Вся метабаза, – продолжила Роуэн. – Эпидемии. Локальные войны. Транспортные потоки. И, даже если на время забыть о Средиземном море, мне сказали, что ваши проекции во многом помогли сохранить Гольфстрим. Есть несколько специалистов, которые могут обойти вас в Водовороте, но вы еще к тому же разбираетесь в вопросах биобезопасности, экономики, промышленной экологии...

Дежарден улыбнулся про себя. Так старомодно: она действительно думала, что между этими сферами есть какая-то разница.

– В любом случае, – подытожила женщина, – похоже, вы – наш лучший кандидат из тех, что приходят на ум. Мы снимаем вас с обыкновенной ротации и приписываем к специальному проекту, с одобрения доктора Лерцмана, разумеется.

– Думаю, мы можем отдать его вам, – сказал Лерцман, искренне полагая, что его мнение что-то значит. – Думаю, после сегодняшнего происшествия Ахилл и сам, скорее всего, захочет на какое-то время покинуть Водоворот.

«Enculé».

Когда в деле участвовал Лерцман, чувство брезгливости возникало почти рефлекторно.

Снова Роуэн:

– Произошло некое биологическое событие, и мы хотим, чтобы вы за ним пронаблюдали. Судя по всему, появился новый почвенный микроб. Пока он произвел относительно малый эффект – практически ничтожный на самом деле, – но потенциально он... в общем... – Она склонила голову в сторону блондинки справа, та, в свою очередь, постучала пальцем по наручным часам. – Откройте для загрузки, пожалуйста...

Дежарден быстро подключился: в поле зрения промелькнули протоколы передачи.

– Статистику сможете изучить потом, – заявила блондинка. – Но, если кратко, вам нужно искать мелкомасштабное окисление нижних слоев почвы, пониженное содержание хлорофилла и, возможно, определенные изменения в ксантофиллах...

Наука. Неудивительно, что никто не удосужился ее представить.

– ...также возможно снижение влажности почвы, но точно мы пока не знаем. Возможно сокращение количества таксонов и сопутствующей им микрофлоры. Также мы подозреваем, что распространение будет ограничено температурно. Ваша задача – подготовить свод диагностических данных, который мы сможем использовать для определения этой заразы дистанционно.

– Для человека моих навыков задача несколько долгосрочная, – заметил Дежарден. «А еще будет чертовски скучно». – Я как-то больше заточен под острые кризисные ситуации.

Роуэн намек проигнорировала.

– Это не проблема. Мы выбрали вас за ваши навыки в распознавании образов, а не за оперативные рефлексy.

– Ну ладно тогда. – Про себя он вздохнул. – А что насчет непосредственной сигнатуры?

– Прощу прощения?

– Если мы говорим о снижении уровня хлорофиллов, то, я полагаю, обыкновенные фотосинтезирующие вещества чем-то заменяются. Так чем? Надо ли мне искать какие-то новые пигменты?

– Сигнатуры у нас пока нет, – сказала ему женщина. – Сумеете ее выработать – замечательно, но мы на это не надеемся.

– Да ладно вам. Сигнатура есть у чего угодно.

– Верно, но в данном случае она может не проявиться до тех пор, пока эта штука не размножится до эпидемической концентрации. Надо поймать ее до того. Ваши лучшие помощники – это косвенные указатели.

– Я бы все равно хотел увидеть лабораторные данные. И саму культуру, естественно. – Ахилл решил запустить пробный шар. – И в этом деле большую помощь может оказать Элис Джовелланос. Она по образованию биохимик.

– У Элис еще мало опыта... – начал Лерцман.

Роуэн деликатно оборвала его:

– Никаких проблем, доктор Дежарден. Берите любого, кто может вам помочь. Но не забывайте о том, что статус секретности этого задания может поменяться. Отчасти он будет зависеть и от результатов вашей работы.

– Спасибо. А культура?

– Мы сделаем все, что сможем. По очевидным причинам распространение живого образца может стать нежелательным.

«Так-так».

– Начинайте поиск по береговой линии Н'АмПацифика. Мы полагаем, что воздействие микроба ограничено северо-западным побережьем Тихого океана. Скорее всего, где-то на территории между Гонкувером и заливом Кус.

– Пока, – добавил Дежарден.

– Мы надеемся, что с вашей помощью, доктор, ничего и не изменится.

Он уже видел все это раньше. Какая-то фарма потеряла контроль над очередной разработкой. Из-за землетрясения где-то треснул инкубатор, и сторонники корпоративной секретности с противниками сельскохозяйственного армагеддона долго гвоздили друг друга в каком-нибудь конференц-зале, а из руин битвы восстала Патриция Роуэн – на кого бы она ни работала, – чтобы сбросить все проблемы прямо на Ахилла. При этом, разумеется, она не дала нормальных инструментов для работы: ко времени, когда они снимут все молекулы с патентами на них, образец переданной культуры станет похож на 20 кубиков дистиллированной воды.

Ахилл не удержался и издал нечто среднее между смехом и фырканьем.

– Прошу прощения? – Роуэн выгнула бровь. – Вы хотите что-то сказать?

Мимолетная катарсическая фантазия:

«Да, у меня и в самом деле есть вопрос, мисс Роуэн. Может, вас вся эта хренотень возбуждает, а? Вы там не течете, когда без всяких причин зажимаете информацию такой важности? Должны. В смысле, какого черта тогда было перестраивать меня чуть ли не на молекулярном уровне? Зачем? Вы с помощью биоинженерии превратили меня в образец честности и неподкупности, но стоило вам облажаться, и вы решили, что Ахиллу-то доверять не стоит. Вы же знаете меня, Роуэн. Я неподкупен. Я не смогу действовать в своих интересах, даже если от этого будет зависеть моя жизнь».

В повисшей тишине Лерцман коротко и панически кашлянул, прикрыв рот кулаком.

– Извините. Нет. Никаких вопросов. – Дежарден постучал пальцем по запястнику, без-опасно сложив руки под столом, и схватился за первый заголовок, выползший на экране имплантата. – Просто, знаете, забавное название. Бетагемот. Оно откуда?

– Библейское, – ответила Роуэн. – Мне оно никогда не нравилось.

Впрочем, Ахилл не нуждался в ответах на невысказанные вопросы. Он и так понял, что у корпа были весомые причины скрывать информацию; разумеется, она прекрасно знала, что он не может пойти против общего блага.

Зато сама Роуэн могла.

Удар

Для Кларк выбор между акулами и людьми оказался не так уж прост. Сделав его, она заплатила свою цену: теперь Лени скучала по темноте.

Ночь, пусть даже безлунная и облачная, пасовала перед возможностями рифтерских линз. На земле существовало очень мало мест, способных ослепить их. Светонепроницаемые комнаты. Пещеры и морские глубины, где нет биолюминесценции. И нигде больше. Роговичные накладки обрекли Кларк на вечную зрячесть.

Разумеется, она в любое время могла их снять. Довольно простая процедура, едва ли отличающаяся от замены обычных контактных линз. Но Лени уже очень смутно помнила, как выглядят ее глаза от природы: они были бледно-голубыми настолько, что зрачки почти сливались с белками. Вроде как смотреть в морской лед. Ей говорили, что взгляд у нее холодный и сексуальный.

Кларк не снимала линзы почти год. Она носила их рядом с друзьями, врагами и любовниками. Не снимала даже во время секса и не собиралась сбрасывать сейчас, перед незнакомцами.

Если ей хотелось оказаться во мраке, то приходилось закрывать глаза. В миллионной толпе беженцев это было не так-то просто сделать.

Лени нашла пару квадратных метров пустоты. Бежи съезжались под одеялами и хлипкими навесами поблизости, спали или трахались в темноте, которая им приносила хоть какое-то уединение. Как и говорил Амитав, они оставили ее в одиночестве и даже предоставили ей больше пространства, чем давали друг другу. Кларк лежала на крохотном пятнышке песка, на своей собственной территории, и закрывала глаза, спасаясь от блистающей тьмы. Шел легкий дождь; гидрокостюм не промокал, но капли стекали по лицу, словно ласкали.

Лени уносило прочь. Ей показалось, что в какой-то момент она задремала, но когда над головой дважды пролетели «оводы» – темные бесшумные эллипсы, слишком тусклые для невооруженных глаз, – Кларк их видела и каждый раз готовилась ринуться к океану, но дроны ее не замечали.

«Нет приказа, – подумала она. – Они видят только то, на что запрограммированы».

А может, Лени зря боялась, и сенсоры ботов не отличались особой тонкостью настройки, не видя ее имплантаты. То ли у тех была слишком слабая аура, то ли машины летели высоко. Может, «оводы» не настолько глубоко проникали в электромагнитный спектр, и Лени суежилась зря.

«В тот первый раз я была совсем одна, – думала Кларк. – Весь пляж закрыли. Могу поспорить, в этом и дело. Они реагируют на посторонних...»

Как и Амитав. Он начинал ее серьезно беспокоить.

* * *

Старик появился у циркулятора на следующее утро с мертвым «оводом» в руках. Тот немного походил на панцирь черепахи, который Лени когда-то видела в музее, только его брюхо усеивали отверстия и торчащие инструменты. Бота раскололо по экваториальному шву, вдоль разлома шли черные кляксы.

– Вы не можете его починить? – спросил Амитав. – Хотя бы частично?

Кларк покачала головой:

– Я ничего не знаю об «оводах».

Но панцирь все же подняла. Внутри под слоем сажи гнездилась сожженная электроника.

Лени провела пальцем по маленькой выпуклости, под слоем грязи ощутила шершавость составных линз визуального узла. Какие-то детали казались смутно знакомыми, но...

– Нет, – подытожила Кларк, кладя рухлядь на песок. – Извините.

Амитав пожал плечами и сел, скрестив ноги.

– Я и не ждал. Но человек всегда питает надежду, а вы, кажется, очень близко знакомы с машинами...

Она слабо улыбнулась, по-новому чувствуя имплантаты, теснящиеся в грудной клетке.

– Я думал, вы отправитесь к ограждению, – сказал индус, немного помолчав. – Там вас пропустят, когда увидят, что вы – одна из них.

Лени посмотрела на восток. Там, вдалеке, из тумана человеческих тел и вытоптанных кустарников вздымались пограничные башни. Она слышала, что между ними были натянуты высоковольтные линии и колючая проволока. До нее доходили слухи о беженцах, отчаявшихся настолько, что они даже успевали взобраться на семь или восемь метров вверх, прежде чем умирали от тока и множества ран. Изувеченные останки оставляли гнить на проводах то ли в качестве устрашения, то ли от простой халатности. Истинных причин никто не знал, но так гласила история.

Кларк понимала, что все это сказки вроде крокодилов в канализации. В такую хрень не верил никто старше тринадцати лет, а у людей здесь, несмотря на все их количество, не хватило бы воли даже гаражную распродажу устроить, не говоря уж о том, чтобы укрепления атаковать. Какое там слово использовал Амитав?

«Покорные».

Но было даже немного жаль. Лени никогда не видела ограждений, и посмотреть на них хотела.

В жизни признанного мертвым куча мелких недостатков.

– У вас же есть дом, куда можно вернуться. Вы же не хотите остаться здесь, – принялся подстрекать Амитав.

– Нет, – ответила она на оба вопроса.

Он принялся ждать. Кларк тоже.

Наконец индус встал и посмотрел на мертвого «овода».

– Понятия не имею, почему этот рухнул. Обычно они очень хорошо работают. Вы же видели, как парочка тут пролетала, да? У вас пустые глаза, но они не слепы.

Кларк выдержала его взгляд, но промолчала.

Он пнул обломки носком ботинка, а потом бросил:

– У этих такие же.

И ушел.

* * *

То была дыра во тьме: окно в иной мир. Оно находилось на высоте детских глаз и выходило на кухню, Кларк не видела ее уже лет двадцать.

Окно к человеку, которого она не видела почти столько же.

Перед ней стоял на коленях отец, пригнулся, смотря Лени прямо в глаза с высоты взрослого. Выглядел он серьезно. Схватил за запястье одной рукой; в другой что-то держал, оно покачивалось, свисая.

Она ждала знакомой тошноты, подкатывающей к горлу, но та не пришла. Видение принадлежало ребенку, но зритель уже давно стал взрослым, загрубел, приспособился и привык к таким испытаниям, по сравнению с которыми детское насилие превращалось в банальное клише.

Кларк попыталась осмотреться: поле зрения меняться отказывалось. Мать она не видела.

«Ну естественно».

Рот отца двигался, только из него не долетало ни слова. Изображение оказалось полностью немым, световой пыткой без всякого саундтрека.

«Это сон. Скучный сон. Пора проснуться».

Она открыла глаза. Видение не исчезло.

Правда, за ним присутствовал другой мир, высококонтрастный пазл света и тени. Кто-то стоял рядом, на песке, но его лицо застилала греза из детства. Та парила перед Лени невозможной картинкой в картинке. Реальность смутным фоном мерцала позади.

Кларк закрыла глаза. Настоящее исчезло. Прошлое – нет.

«Уходи. Я с тобой покончила. Убирайся».

Отец по-прежнему держал ее за запястье – или не ее, а то хрупкое существо, глазами которого Лени смотрела на призрачный мир, – но она ничего не чувствовала. А потом взгляд сам по себе остановился на качающейся штучке в другой руке отца. Неожиданно испугавшись, Кларк резко открыла глаза, даже не успев рассмотреть, что же там было; но образ вновь последовал за ней в реальность.

Здесь, пред бесчисленными обездоленными ордами Полосы, отец протягивал Кларк подарок. Ее первый запястник.

«Пожалуйста, уходи...»

– Нет, – раздался голос совсем рядом. – Не уйду.

Амитава. Кларк, парализованная, тихо заскулила, как животное.

Отец рассказывал про возможности новой игрушки. Она не слышала, что он говорил, да это и не имело значения; видела, как отец голосом активизирует маленькое устройство, перебирает функции доступа к Сети (она вспомнила, тогда они еще называли это «Сетью», единственной и неповторимой), указывая на маленькую антенну, соединяющую гаджет с фоновизорами.

Лени тряхнула головой. Видение даже не покачнулось. Отец аккуратно застегнул запястник у нее на запястье.

Она знала, на самом деле это не подарок, а первоначальный взнос. Символический обмен, бесполезный жест в компенсацию всего того, что он ей сделал за прошедшие годы и что хотел сделать прямо сейчас, того...

Отец наклонился вперед и поцеловал какое-то место прямо над глазами, которые Лени не могла закрыть. Погладил голову, которую Лени не могла почувствовать. А потом, улыбаясь...

Оставил ее одну.

Вышел в кухню, оставив играть.

Видение рассеялось. Внутрь хлынула Полоса, заполняя освободившееся пространство.

Амитава воззрился на нее:

– Ты ошибаешься. Я – не твой отец.

Кларк с трудом поднялась на ноги. Пропитанная водой почва превратилась в грязь, они находились недалеко от береговой линии. От станции, расположившейся дальше по пляжу, тянулся прерывистыми полосами галогенный свет. На склоне тут и там виднелись скопления неподвижных тел. Поблизости никого из беженцев не оказалось.

«Это был сон. Еще одна... галлюцинация. Ничего реального».

– Мне интересно, а что вы здесь делаете? – тихо произнес Амитава.

«Старик реален. Сосредоточься. Разберись с ним».

– Вы не единственный... человек, которого выбросило на берег после волны. Это понятно, – заметил беженец. – Их даже сейчас выбрасывает. Но вы-то далеко не мертвы, в отличие от остальных.

«Видел бы ты меня раньше».

– И странно, что вы пришли к нам вот так. Тут все начисто вымели много дней назад. Землетрясение на дне океана, так? Далеко в море. И тут выходите на берег вы, приспособлен-

ная для жизни на глубине, и едите так, словно очень-очень долго голодали. – Его улыбка стала хищной. – И не хотите, чтобы ваши люди узнали, где вы. И сейчас вы расскажете мне почему.

Кларк наклонилась вперед:

– Да ну. А если нет, ты что сделаешь?

– Пойду к ограждению и все им расскажу.

– Можешь идти.

Амитав уставился на нее, Лени чувствовала его гнев чуть ли не на тактильном уровне.

– Ну давай, – принялась подзуживать она. – Посмотрим, может, ты дверь отыщешь или никому не нужный запястник. Может, там оставили ящики для предложений, куда ты запи-сочку положишь, а?

– Ты сильно ошибаешься, если думаешь, что я не смогу привлечь внимание твоих людей.

– Я думаю, ты этого не хочешь. У тебя и свои секреты есть.

– Я – беженец. Мы не можем позволить себе секретов.

– Ладно. Амитав, а чего ты тогда такой тощий?

Его глаза расширились.

– Глисты? Пищеварительное расстройство? – Она сделала шаг вперед. – Еда из циркуля-тора не подходит?

– Я тебя ненавижу, – прошипел он.

– Ты меня даже не знаешь.

– Я знаю тебя, – сплюнул индус. – Я знаю вашу породу. Я знаю...

– Ты ничего не знаешь. В принципе. А если бы знал – если бы у тебя был такой стояк на мою породу, как ты выразился, – то из кожи бы вон вылез, чтобы помочь мне.

Он воззрился на нее, и по его лицу пробежала тень неуверенности.

Лени понизила голос:

– Предположим, ты прав. Предположим, я действительно явилась прямо из глубины. Прямо от Осевого вулкана, если знаешь, где это.

Она замолчала.

– Продолжай, – ответил индус.

– Скажем – чисто гипотетически, – что землетрясение не было случайным. Кто-то заложил ядерную бомбу, и все эти ударные волны гирляндной цепью покатались к берегу.

– А почему кто-то решил так сделать?

– Уж они-то знают. А мы должны выяснить.

Амитав затих.

– Следишь за ходом мысли? Бомба взрывается на глубине. Большой глубине. Я приплываю оттуда же. И кем я оказываюсь в таком случае, Амитав? Плохишом? Это я потянула за рубильник? Но тогда я, наверное, продумала бы побег? Но нет, вместо этого я триста километров ползла по этой грязи, не имея ни хрена, даже сэндвича за пазухой. И для чего? Для того чтобы окунуться в ваш гадючник и сидеть здесь, жрать дерьмо из циркулятора и слушать твое унылое нытье? Это вообще у тебя в голове укладывается? Или, – тут ее голос понизился, и Лени взяла себя в руки, – я просто попала в переплет, как и все остальные, только сумела выбраться из него живой? И как думаешь, не может ли такой факт в биографии заронить некоторую враждебность даже в белой североамериканке, богатой сучке вроде меня?

«И кто-то, – пообещала она мысленно, – за все заплатит».

Амитав ничего не сказал. Только наблюдал за ней запавшими глазами, а выражение его лица вновь стало пустым и непроницаемым.

Кларк вздохнула:

– Ты действительно хочешь помериться со мной крутостью, Амитав? И с теми, кто на самом деле дернул рубильник? Когда доходит до уборки, им обычно не до тонкостей. Сейчас они думают, что я мертва. Хочешь оказаться поблизости, когда они поймут, что это не так?

– А что в тебе такого? – спросил наконец Амитав. – Почему по сравнению с тобой наши жизни настолько не важны?

Лени много об этом думала. И в результате вспомнила яркий, почти сверкающий момент озарения, который пережила в детстве. Ее невероятно поразило то, что на Луне существовала жизнь: микроскопическая жизнь, какая-то бактерия, подсевшая на попутку к первым автоматическим зондам. Она пережила годы голодовки в вакууме, невероятный холод, несусветную жару и непрекращающийся град жесткой радиации.

Тогда она поняла: жизнь может вынести что угодно. Тогда это дало ей надежду.

– Думаю, внутри меня что-то есть, – сказала она теперь. – Думаю...

Что-то коснулось ее ноги.

Рука ударила почти рефлекторно. Кулак Лени сомкнулся вокруг запястья подростка.

Тот пытался стянуть газовую дубинку, висящую у нее на бедре.

– А, – протянула Кларк. – Вот так, значит.

Мальчик уставился на нее, окаменев.

Она повернулась к Амитаву: парень хныкал и извивался в ее хватке.

– Дружок твой?

– Я, э...

– Небольшой отвлекающий маневр, да? Духу не хватает на меня наехать, от взрослых приятелей помощи не дождешься, значит, решил использовать молокососа? – Она дернула мальчика за руку: тот вскрикнул.

Спящие заворочались во сне, никто даже не пробудился, настолько все привыкли к постоянному шуму.

– А почему тебя это волнует? – зашипел Амитав. – Ты же сама сказала, это даже не оружие. Я что, идиот, верить в такую чушь, когда ты тут размахивала ею, как ятаганом? Что это? Разрядник? Шокер?

– Я тебе покажу.

Лени склонилась, все еще не отпуская ребенка. Деполяризующее лезвие выступило из кончика перчатки серым ногтем: от его прикосновения ножны на бедре распались, словно взрезанные скальпелем. Дубинка легко скользнула в руку: тупой черный жезл с флуоресцирующим кольцом у основания рукоятки.

Амитав поднял руки, неожиданно решив ее успокоить:

– Совершенно не нужно...

– Нет, нужно. Ну давай, подойди поближе.

Индуc сделал шаг назад.

– Она срабатывает при контакте, – пояснила Кларк. – Впрыскивает газ под давлением. Очень удобная штука на рифте, где местная фауна так и норовит тебя сожрать.

Лени сдвинула предохранитель и ткнула наконечником жезла прямо в песок.

Пляж взорвался с таким треском, словно оказался в эпицентре громового раската.

* * *

Вселенная звенела, как камертон. Лени лежала там, куда ее отбросил взрыв. Лицо жгло, будто его обработали пескоструйным аппаратом.

Веки слиплись. Кажется, прошло немало времени, прежде чем она сумела их поднять.

Неподалеку зиял кратер диаметром три метра, уже заполненный грунтовыми водами.

Кларк поднялась на ноги. Вся Полоса вскочила в одну секунду, отбежала прочь, повернулась и застыла кругом ошарашенных и испуганных лиц.

К своему удивлению, Лени все еще сжимала в руке дубинку.

Она взглянула на устройство с тупым недоверием. Кларк пользовалась им так много, что уже давно привыкла к нему. Когда очередной монстр с источника намеревался ее расчленить, она парировала, прижимала дубинку к рыбьей туше и наблюдала за тем, как хищник раздувался и взрывался от ее прикосновения. Глубоководному населению дубинка несла смерть, но взрывов такой силы она прежде не давала. По крайней мере не там, внизу, на...

«Ох ты черт! На рифте».

Ее настроили так, чтобы она была насмерть на дне океана, где давление в пять тысяч паскалей казалось лишь нежным хлопком. Там дубинка представляла собой довольно действенное оружие.

На суше, без всех этих атмосфер, напирających в ответ, она превращалась в бомбу.

— Я не хотела... Я думала... — Кларк огляделась. Бесконечная линия лиц уставилась на нее в ответ.

Амитав растянулся на противоположной стороне кратера. Он стонал, прижав руку к лицу.

Мальчик исчез.

Палочник

Раскат грома посреди ночи. Что-то взорвалось рядом с циркулятором Кальвина к югу от Грейс-Харбор. «Овод» летел вдоль мыса на юг; детонации он не увидел, зато слух имел хороший. Послал сигнал тревоги на базу и ринулся на разведку.

Перро была на дежурстве. Она перешла на ночную смену в день, когда узнала, что русалки выходят на берег по ночам. (Муж, недавно узнавший об особых потребностях жертв виртуального посттравматического синдрома, принял перемену без жалоб.) И теперь она скользнула в перцепционную сферу «овода» и оценила положение.

В межприливной зоне зиял неглубокий кратер. Оттуда шел сигнал: хаотические сплетения жара и биоэлектричества, беспокойные, словно перепуганный скот. Перро сузила электромагнитный спектр до усиленного в зрительном диапазоне: зарницы превратились в волнуемую серую массу людей.

На Полосе существовали свои собственные районы, стихийно образующиеся гетто внутри гетто. Здесь, например, жили в основном те, кто прибыл с Индийского субконтинента; Перро выставила базовые фильтры на пенджабский, бенгальский и урду и начала задавать вопросы.

Да, взрыв. Причины никто точно не знал. Некоторые говорили, что кто-то кричал, спорил. Мужчина, женщина, ребенок. Слышали обвинения в краже. А потом неожиданно раздался бабах.

После этого все проснулись, попытались убраться подальше. Женщина размахивала каким-то шокером, похожим на дубинку. Толпы держались в отдалении. В круге с ней находился мужчина, лицо все в крови. Злой. Встал прямо напротив нее, словно и не заметил оружия в руке. Все согласились, что ребенок к тому времени исчез. Кто этот мальчик, никто не знал.

А вот взрослых запомнили все. Амитав и русалку.

– Куда они пошли? – спросила Перро; «овод» передавал слова с монотонным бесстрастием.

В океан. Русалка всегда уходит в океан.

– А другой? Этот Амитав?

За ней. С ней. В океан.

Около десяти минут назад.

Перро направила бота резко вверх, получив панораму Полосы с пятидесятиметровой высоты. Беженцы растворились броуновской ордой; пробиваясь сквозь толпу, один человек не мог опередить волны движения, распространяющиеся по людскому столпотворению. Вот: едва различимая, угасающая цепь колебаний, соединяющая кратер с линией прибоя. Частицы клубились, недавно встревоженные каким-то целенаправленным движением.

Су-Хон спикировала к кромке воды. Обращенные к небесам лица, серые и сверкающие в светоуловителях, следили за ее курсом, словно подсолнухи, поворачивающиеся за солнцем.

Кроме одного, он находился довольно далеко, по колено в пенистых волнах, и без оглядки бежал на юг.

Перро увеличила картинку: никаких механических частей в грудной клетке. Не русалка. Хотя были и другие аномалии. Она преследовала скелет, абсурдно истощенный пережиток тех времен, когда недоедание было характерной особенностью всех беженцев.

С голодом на Полосе разобрались много лет назад. Этот же решил уморить себя сам. По политическим причинам.

Неудивительно, что теперь он кинулся в бегство.

Перро отправила «овода» в погоню. Тот пролетел мимо добычи через несколько секунд, шустро развернулся и резко снизился, блокируя ей путь. Су-Хон врубила прожекторы и припилила беженца к земле спаренными лучами ослепляющего галогена.

– Амитав, – сказала она.

* * *

Разумеется, она о таких слышала. Попадались они редко, но не слишком, а потому им даже дали прозвище «палочники». До сих пор Перро никогда не видела ни одного из них вживую.

Индус. Запавшие глаза, напоминающие озера мрачных теней. Кровь каплями проступала на лице. Он поднял руку, закрывшись от света: свежая стигма на ладони сочилась красным. Конечности, суставы, пальцы, остроконечные и угловатые, как у оригами, проступали из-под порванной одежды. На подошвы вместо обуви спреем нанесен слой пластика.

Океан отрезал ему путь к отступлению справа; полосники с любопытством наблюдали со всех сторон, держась подальше от разлива галогенного сияния. Палочник напрягся, застыл, выбирая между равно бессмысленными попытками бежать или атаковать.

– Расслабьтесь, – сказала Перро. – Я просто хочу задать вам несколько вопросов.

– А. Вопросы от полицейского робота, – протянул он. Тонкие губы обнажили коричневые зубы, сверкая окровавленными трещинами. Циничная ухмылка. – Гора с плеч упала.

Су-Хон моргнула:

– Вы говорите по-английски.

– Это не самый редкий язык. Хотя сейчас и не такой модный, как французский, правда? Что вам нужно?

Перро отключила переводчика:

– Что тут произошло?

– Волноваться не о чем. Ваши машины не повреждены.

– Меня не интересуют машины. Произошел взрыв.

– Ваши замечательные механизмы не обеспечивают нас взрывчаткой, – заметил Амитав.

– Здесь была женщина, дайвер. И ребенок.

Палочник сердито взглянул на «овода».

– Я просто хочу знать, что случилось, – сказала ему Перро. – Я не желаю вам зла.

Амитав сплюнул:

– Разумеется, нет. Вы ведь меня ослепили, чтобы глаза проверить, да?

Су-Хон врубила прожекторы. Черно-белый пейзаж поблек до серого.

– Спасибо, – спустя какое-то время произнес беженец.

– Скажите мне, что произошло.

– Она сказала, это случайность.

– Случайность?

– Ребенок... У Кларк был этот... Я не уверен насчет слова... этот жезл. На ноге. Она называла его «дубинкой».

– Кларк.

– Ваш дайвер.

«Кларк».

– А ее имя вы знаете?

– Нет, – хмыкнул Амитав. – Хотя вот Кали ей подошло бы.

– Продолжайте.

– Ребенок, он... попытался украсть эту дубинку. Пока мы... разговаривали.

– И вы его не остановили?

Индуc нервно переступил с ноги на ногу:

– Мне кажется, она пыталась показать мальчику, что дубинка – опасная вещь. И преуспела. Я сам отлетел. И эта штука оставляет следы.

Он улыбнулся, еще раз подняв руки ладонями вверх. Освеженная плоть, сочащаяся кровь.

Амитав замолчал и посмотрел в сторону океана. Перспектива у Перро слегка закачалась от легкого бриза, словно «овод» кивал.

– Я не знаю, что случилось с ребенком, – наконец признался Амитав. – Когда я смог встать на ноги, он уже исчез. Кларк его тоже искала.

– Кто она? – мягко спросила Перро. – Вы ее знаете?

Он опять сплюнул:

– Она бы так не сказала.

– Но вы видели ее раньше. И сегодня встретились не в первый раз.

– О да. Ваши домашние животные, – он посмотрел на остальных беженцев, – они приходят ко мне, когда надо проявить инициативу. И вот они мне сказали, где русалка, чтобы я отправился к ней и разобрался.

– Но вы каким-то образом связаны друг с другом. Вы – друзья или...

– Мы – не овцы. Вот и все, что у нас есть общего. А здесь этого вполне достаточно.

– Я хочу узнать о ней больше.

– Мудрое решение, – ответил Амитав, чуть понизив голос.

– Почему вы так думаете?

– Потому что она выжила после того, что с ней совершили, и знает, что это сделали вы.

– Я ничего не делала.

Палочник пренебрежительно махнул рукой:

– Это не важно. Она все равно за вами придет.

– Что случилось? Что с ней сделали?

– Она точно не сказала. И практически ничего не объяснила. А иногда она говорит о чем-то, но вроде как обращается к тем, кого здесь нет. По крайней мере не к тем, кого вижу я. Но из-за них она очень расстраивается.

– Она видит призраков?

Амитав пожал плечами:

– Тут призраки – дело вполне обычное. Я и сейчас с одним разговариваю.

– Вы знаете, что я – не призрак.

– Возможно, не настоящий. Но вы вселяетесь в машины.

Су-Хон поискала фильтр, чтобы поправить ситуацию, но подходящий найти не смогла.

– Она сказала, что вы вызвали землетрясение, – неожиданно признался Амитав. – Скачала, это вы послали волну, которая тут столько убила.

– Это просто смешно.

– Ну уж вы бы о таком знали, правда? Ведь ваши лидеры всегда делятся такими планами с пилотами механических насекомых?

– Зачем кому-то такое делать?

Индуc пожал плечами:

– Спросите Кларк. Если найдете.

– А вы можете мне в этом помочь?

– Конечно, – он ткнул в сторону Тихого океана. – Она там.

– Вы с ней еще встретитесь?

– Не знаю.

– А если это случится, мне не сообщите?

– А даже если бы я захотел, как мне это сделать?

- Су-Хон.
 - Не понял.
 - Это мое имя. Су-Хон. Я могу запрограммировать «оводов» на распознавание вашего голоса. Если они услышат, что вы меня зовете, то дадут знать.
 - Вот как, – протянул Амитава.
 - Вы согласны?
- Беженец улыбнулся:
- Не звоните нам. Мы вам позвоним.

Приглашение на танец

В Саут-Бенде русалка убила человека.

Залив Уиллапа раскалывал Полосу, словно язва шириной в двадцать километров. Официальное наблюдение за этим разломом не было рассчитано на тех, кто дышал по желанию. Теперь же берег остался в пятнадцати километрах позади Лени. На таком расстоянии цунами сбили уходящие в океан мысы и большой, усеянный пнями остров, цистой закупоривший бухту. От Большого Толчка здесь осталась одна дрожь. Разруха и запустение имели исключительно местные причины.

Кларк появилась после полуночи на темном, изъеденном городском берегу, уже давно заброшенном из-за ползучей заразы толуола, начавшейся еще в конце прошлого века. Нервные припозднившиеся прохожие заметили амфибию на краю городского центра и ускорили свой путь из точки А в точку Б. Когда Кларк в последний раз ходила по цивилизованным улицам, на каждом втором углу висели раздатчики бесплатных запястников: вялая подачка тем, кто желал вооружить массы, обеспечив им доступ к информации. Тут их не было. Только чудом сохранившаяся телефонная будка стояла на страже в светящихся сумерках. Лени сделала запрос. Будка ответила, что Кларк находится «здесь». А Ив Скэнлон живет «там», в трехстах километрах на северо-восток.

Конечно, он ее не ждет. Кларк растворилась в темноте. Безучастные камеры наблюдения низвели ее до мимолетного скопления инфракрасных пикселей.

Лени осторожно спустилась по бетонному склону к маслянистой воде. Кто-то окликнул ее, пока она доставала ласты: приглушенные знакомые звуки доносились из заброшенного здания таможни.

Так иногда трещали гнилые сваи. А еще такое бывало, когда по ребрам пинали ботинками. В горле Кларк застрял ком. Человеческое тело можно ударить бессчетным количеством предметов, и каждый издавал разные звуки. Столько разных звуков, что и не сосчитать.

Вот что-то едва уловимое, больше похожее на всхлип, а не слова:

– Блин, чувак...

Приглушенное гудение электрического разряда. Стон.

Дорожка протянулась вдоль разрушенного здания; вдоль нее кучами громоздился мусор, поджидая жертву, не наделенную ночным зрением. С другой стороны дома из берега торчал пирс на деревянных сваях. На нем стояли двое: мужчина и женщина. Еще четверо лежали, дергаясь, у их ног. На пирсе спал полицейский «овод» – к счастью, отключенный.

Конечно, формально это было не нападение. Оба преступника носили униформу и значки, дававшие им законное право бить кого вздумается. Сегодня они выбрали блюдо из подростков, валявшихся теперь на досках, усеянных пятнами креозота, подобно выпотрошенной рыбе. Тела сводило нервными судорогами от разрядов шоковой дубинки; на пинки по ребрам они и вовсе не реагировали. До Кларк доносились обрывки разговора между униформами, что-то о нарушении комендантского часа и нелегальном использовании Водоворота.

А также о проникновении на закрытую территорию.

– На государственную собственность, не меньше, – заметил мужчина, щедрой рукой обводя пирс, сваи, заброшенный офис, Кларк...

«Твою мать, у них же приборы ночного видения, у обоих...»

– Эй, ты! – Полицейский сделал шаг в сторону здания, указывая дубинкой в тень, где она лежала у всех на виду. – А ну отойди от дома!

* * *

Было время, еще не так давно, когда Кларк подчинилась бы, не задумываясь. Она бы повиновалась приказам, зная, что ее ждет, так как уже давно выучила один закон: с насилием можно справиться единственным способом – надо заткнуться и переждать. Конечно, будет больно. В этом весь смысл. Но всяко лучше, чем хроническая тошнота и ожидание, когда перемены между избиениями тянутся бесконечно, и тебе остается лишь одно – ждать неизбежного.

Еще совсем недавно она бы просто убежала. Или отступила. Сказала бы себе, что это не ее дело, и ушла, не выдав себя. Она поступила именно так, когда Майк Брандер, так и не получивший шанса отомстить тем, кто превратил его детство в ад на суше, нашел удобную замену в лице Джерри Фишера. «Не мое дело» было у руля, когда по станции «Биб» разносились яростные крики Брандера и хруст костей Фишера. И когда Брандер, смена за сменой, дежурил перед воздушным шлюзом, не давая Фишеру нормально вернуться внутрь. В конце концов Джерри иссяк, превратился из мужчины в ребенка, а потом и вовсе в рептилию – пустое расчеловеченное ничтожество, живущее на окраине рифта. И даже тогда это Лени не касалось.

Но теперь Фишер умер. Да и Кларк тоже, если на то пошло. Погибла вместе с остальными: Элис, Майком, Кеном, Джерри. Все они превратились в обжигающий пар. Все умерли, и теперь, когда камень откатали от входа в пещеру, а в воздухе прозвенели слова: «Лазарь! Выйди вон!», вовсе не друзья Лени Кларк восстали из могилы. И даже не она сама. Не мягкотелая и убогая профессиональная жертва давным-давно ушедших дней. Не мутная куколка, созревшая на рифте. Нет, на свет появился какой-то свежавыкованный, омытый кислотой, добела раскаленный метаморф Лени, никогда не существовавший прежде.

И теперь Кларк столкнулась со знакомым образом – с властью, с командиром, отдающим приказы, с тем, кто с удовольствием пользовался законным правом вершить над ней насилие. И когда он бросил ей вызов, она не сочла нужным подчиниться. Лени больше не казалось, что таких ситуаций лучше избегать.

Для Кларк второй модели его приказ прозвучал как долгожданное приглашение на танец.

Пиксельмэн

ВСС5932 ИНИЦИИР. ФАКТОР / ПЕРЕХВАТ ПЕРЕДАЧИ

Класс объекта: пакет данных (доброкач.)

Вид объекта: лич. переписка (важность: невысок) / пакет: 7 из 23 /
расшифр. голосового сообщения

Источник объекта: поврежден

Назначение объекта: множественное (см. копии)

КРИТЕРИЙ ИЗЪЯТИЯ: ВЫЯВЛ. ИНИЦИИР. ФАКТОРЫ В 255-
СИМВ. ДИАПАЗОНЕ НАЧ/КОН
НАЧАЛО ОТРЫВКА

Этой штукой мы попадем рано или поздно. Металла многовато, если понимаешь, о чем я. Но пока нас с ней еще не застукали.

А вот пару дней назад замели нас совсем по другому поводу. И тут нам повезло встретить настоящего ангела мщения. Без дураков. **Лени Кларк** – так ее звали. Мы-то сами виноваты, глупо вышло. Не проверили на утечки, когда залогинились. В общем, les beus тут же лавочку накрыли, заловили всех, кроме Хаджа [Расшифровка имени может быть ошибочной] да меня, а что нам было делать? Только бежать. Короче, положили всех мордой в пол, и вдруг из ниоткуда появилась эта К-отборщица, на вид прям как эти старые литтвари с зубами, ну ты знаешь, вампиры. Вся в черном и с такими толстенными КонТактами, в жизни таких не видел, толще, чем у les beus¹¹. За ними и глаз почти не видно. В общем, выходит она из тени и идет прямо на копов.

По идее, она и двух секунд не должна была продержаться. В смысле, она будто шокеров и не заметила. Этот ее костюм вряд ли пропускает ток, но тем не менее. А она еще и не очень крупная, понимаешь? Копы принялись ее реально фигачить, а она просто терпит, и все. Типа такое постоянно случается, дело житейское. Может, конечно, она от этого реально тащилась, типа ловила кайф, что ли.

В общем, обхватывает она руками это накачанное антители и толкает его, и они улетают с пирса, а когда касаются воды, запускаются стерилизаторы – реально странно, что эти штуки до сих пор работают, здесь лодок годами не было, – и вода начинает мерцать таким холодным радиоактивным светом, и какие-то всплески слышатся, а потом раздается такой громкий «умф», и вздувается огромный пузырь из крови и кишок, а вода, прикинь, прям проржавела.

Она вроде как амфибия, одна из этих киборгов с рифта. Мы с ней потом встретились, она вернулась забрать лапы, когда все утихло. Не спрашивай, что она там делала посередине ночи. Много не говорила, а мы не настаивали. Дали ей еды, припасов – она питалась из циркуляторов на Полосе, можешь себе представить? Правда, судя по всему, это на ней мало сказалось. Я отдал ей свой запястник. Она вообще ничего не слышала о комендантском часе. Пришлось показать, как обходить таймлок. Думаю, когда так долго сидишь на дне океана, связь с реальностью нарушается. Правда, ей на это было явно наплевать. Видел бы ты этого придурка. Они его выловили из воды как старую тряпку. Я бы приплатил, чтобы увидеть его лицо, ну ты понимаешь, о чем я.

Я попытался ее отыскать, но всяких **Лени Кларк** в регистре-то навалом. Попаданий получилось до фи́га. Она, правда, упомянула свой родной город, но его я тоже не смог найти. Парни, вы слышали о таком месте – **Биб**?

¹¹ Полицейских (сленговое выражение, искаженный квебекский вариант).

В общем, одно понятно точно, она пока на свободе. Les beus, скорее всего, ее ищут, но, ставлю пятьдесят квебаксов, не знают даже, как она выглядит под всем этим снаряжением, уж не говоря про то, кто она такая. В смысле, они нас-то поймать не могут, хотя знают все, что нужно знать. Ну не все на самом деле. Ладно...

КОНЕЦ ОТРЫВКА

КОД Бетагемот

Лени Кларк/Биб ПОДТВЕРЖДЕНО

ДОБАВИТЬ УСЛОВИЯ ПОИСКА: амфибия/и, рифтер/ы, киборг/и

НАЛОЖИТЬ ШАБЛОН. ЗАНОВО УПОРЯДОЧИТЬ ТЕКСТ.

КОПИРОВАТЬ. ПЕРЕНЕСТИ.

РАСПРОСТРАНИТЬ.

Третье лицо, вид глазами персонажа

Конечно, Перро не нуждалась в разрешении Амитава. Она бы и так запрограммировала «оводов» на его распознавание. А еще запустила облако «москитов», крошечных летающих сенсоров, размером не больше рисового зернышка. Мозгов у них не было, но они могли себе позволить такое существование и всю принятую телеметрию передавали «оводам» для настоящего анализа. Это повышало охват в разы, по крайней мере, пока не выдыхались батареи.

Правда, затея все равно походила на игру в кости: Амитава должен был оказаться в пределах прямой видимости «овода» или «москита», когда Перро подаст сигнал, а для установления личности требовался достаточно хороший обзор. Только при такой давке на Полосе никакой надежностью тут и не пахло. Палочник мог легко спрятаться, если бы пожелал.

И все-таки. Лучше малые шансы, чем никакие.

Су-Хон закончила поздний ужин, сидя за столом напротив мужа, и почти мимоходом заметила его тоскливый, безнадежный и внимательный взгляд. Марти старался как мог – давал ей пространство, поддерживал. Ждал того обещанного момента, когда шок пройдет, ее защита спадет, и Перро понадобится помощь, чтобы собрать воедино осколки разбившейся жизни. Время от времени Су-Хон искала в себе следы этого неминуемого распада и ничего не находила. Конечно, антидепрессанты все еще действовали, даже когда от шока нервная система выработала на них частичный иммунитет; но таблеток не хватало. Сейчас она уже должна была что-то чувствовать.

Так и получилось. Она нечто чувствовала. Напряженное, страстное и всепоглощающее любопытство.

Перро протянула через стол руку, сжала ладонь Мартина, а потом направилась в рабочий кабинет. До начала смены оставалось еще полчаса, но никто на участке не станет возражать, если она заступит пораньше. Су-Хон скользнула в кресло – любимый антиквариат с широкими ручками и обивкой из настоящей кожи, – потянулась за шлемофоном, но тут рука мужа легко легла ей на плечо.

– Почему она столько для тебя значит? – спросил он. В первый раз зашел в кабинет после срыва.

– Марти, мне надо работать.

Он не ушел.

Перро вздохнула и развернулась, чтобы взглянуть мужу в лицо.

– Я не знаю. Наверное, дело... в загадке. Тайне. В чем-то, что можно решить.

– Не только в этом.

– Да почему? Зачем еще что-то выдумывать? – В ее голосе послышалось раздражение. Увидев по лицу Мартина, как это его задевает, она перевела дух и попыталась еще раз: – Я не знаю. Просто... люди по отдельности мало что значат, а вот она... она производит впечатление, понимаешь? По крайней мере там, на Полосе. Что-то делает ее важной...

Мартин покачал головой:

– Ты нашла себе ролевую модель?

– Я не говорила...

– А ведь она может быть кем-то совсем другим, Су. Что, если она – беглянка?

– Что?

– Неужели ты об этом не думала? Кто-то из Северной Америки, не обычная беженка. Почему она не уходит с Полосы? Почему не хочет вернуться домой? От чего прячется?

– Не знаю. Вот почему это тайна.

– Она может быть опасна.

– Для кого? Для меня? Она находится на берегу! И даже не подозревает о моем существовании!

– И все-таки. Ты должна доложить руководству.

– Возможно. – Перро демонстративно повернулась обратно к столу. – Мартин, мне надо работать.

Раньше он так легко не сдавался. Но теперь прекрасно играл назначенную роль, пройдя подготовку у шести врачей. «Ваша жена пережила чрезвычайно травмирующее событие. Она очень уязвима. Ей надо двигаться со своей собственной скоростью.

Не подталкивайте ее».

И он не подталкивал. Иногда Су-Хон даже чувствовала себя виноватой из-за того, что пользуется этим ограничением, но большую часть времени наслаждалась убаюкивающими объятиями шлемофона и мгновенным, точным контролем над тем, что она воспринимала или не воспринимала, над...

– Твою же мать, – прошептала она.

С левой стороны зрительного поля вспыхнул сигнал тревоги. Один из «оводов» подцепил рыбешку. Причем клюнула не какая-то мелочевка, а огромный хищник. Бот парил меньше чем в трех метрах от цели.

И в этот раз на крючок попался не Амитав. Брак плоти и механизмов. Женщина с шестеренками внутри.

* * *

Глубокая ночь, бесконечная облачная гряда. За черной водой Полоса сияла отдаленными размытыми отблесками прожекторов и обогревателей. Перро запустила светоуловители.

Русалка сидела прямо впереди, на иззубренном рифе в ста пятидесяти метрах от берега. Океан, искрящийся микроорганическим свечением, пытался прогнать ее, столкнуть. Риф выступал из волн на целый метр, и мириады крошечных водопадов сбегали по его бокам; когда же вода поднималась, русалка сама становилась круглым темным камнем, едва различимым в мерцающей пене.

Женщина поднялась на ноги. Вокруг дыбился прибой, добираясь до колен, она покачнулась, но не упала. Ее лицо походило на бледный овал, нарисованный на черном теле. Глаза же казались еще бледнее. Они смотрели в сторону парящего «овода».

Но, казалось, не замечали его.

Русалка понурилась, теперь глядя прямо перед собой. Гладкая и лоснящаяся рука цвета эбенового дерева протянулась вперед, пальцы напряглись: так могла бы нащупывать что-то слепая. Рот Кларк двигался. Слова заглушал рев океана. Перро вывернула фильтры на полную мощность. Звуки воды оборвала тишина. Остались лишь крики чаек вдалеке да несколько слов:

– Нет... Я не...

Перро убрала высокие частоты. Теперь русалка стояла на полностью безмолвном плато, а вокруг беззвучно грохотал Тихий океан.

– Ты никогда так не делал, – сказала она. Онемевший прилив вздымался между ее ног. Пальцы русалки сомкнулись вокруг пустоты. Вид у нее был удивленный.

Еще одна волна омыла риф. Женщина покачнулась, выпрямилась, сразу сжав ладони в кулаки.

– Папа, – почти шепот.

– Мисс Кларк, – произнесла Перро. Русалка не отреагировала.

«Да, точно. Прилив».

Су-Хон повысила громкость, попробовала снова:

– Мисс Кларк.

Голова русалки дернулась вверх:

– Ты! Что такое?

– Мисс Кларк, я...

– Что-то в еде? Какой-то галлюциноген? Да?

– Мисс Кларк, я не понимаю, о чем вы...

Русалка улыбнулась, уродливо оскалив зубы под холодными пятнами белых глаз.

– Замечательно. Я все выдержу. Делайте что хотите.

– Мисс Кларк...

– Ни хрена вы мне не сделаете. Вы еще дождетесь.

Тихий океан безмолвно нахлынул сзади и в мгновение ока смахнул ее с рифа. Камеры поймали последний стоп-кадр: поднятый кулак, мелькнувший над кипящей водой. А потом он пропал.

«Ни хрена вы мне не сделаете. Вы еще дождетесь».

Су-Хон знала, что лично ей терпения не хватит.

Прилипала

Открываясь, шлюз застонал, словно ворота железного собора. В этом звуке таились землетрясения, искореженный металл, небоскребы, мучительно ворочающиеся на собственных осях. Волна лениво оттолкнула мусор прочь от массивных створок.

А изнутри этого звука нарастал еще один: шум трехлопастных винтов, взрезавших воду.

Лени примостилась метрах в двухстах от берега, посреди прорытого через дно шрама, ведущего на глубоководье. Торговые суда Грейс-Харбор проходили прямо над головой. Сейчас она уже достаточно наловчилась, и план мог сработать. Кларк поднялась на несколько метров ото дна; новый ранец немного сковывал движения и тянул вниз, но она уже начала к нему привыкать. Пульсирующее эхо, идущее от приближающегося судна, коснулось имплантатов. Неожиданно мутная вода зловеще потемнела – сначала справа, а потом и сверху. Поток отбросил Лени назад. Мгновение спустя из мглы наискось вынеслась черная стена, усеянная заклепками, и устремилась дальше, заполнив собой весь океан. В воде повисло шипение приближающихся винтов.

Пока что ей везло, ни один из кораблей в нее не врезался. Лени знала, что шансов на это мало – от носовых волн весь мусор разлетался от корабля, – но такие утешительные озарения приходили только во время затишья на дне. Сейчас же, когда размытый движением металлический утес проносился мимо на расстоянии руки, Лени приходили в голову мысли исключительно о мухобойках.

Она вынырнула на поверхность; черная, местами ржаво-красная мерцающая гора неожиданно приобрела четкость и превратилась в огромную дугу, затмевающую три четверти неба. Перевозчик льда – их еще называли «ковбойми». Лени повернулась лицом к приближающейся корме. Прямо к ней мчалось ребро металлической лопасти, наклоненной под углом вниз и выступающей из корпуса судна. Вода бурлила там, где она рассекала океан.

Транцевая плита. На ней можно было бесплатно прокатиться, но она могла и голову снести. Если держаться у поверхности – чуть ниже той точки, где металл резал волны, – кончик лопасти пройдет прямо под Лени. И тогда у нее появится буквально доля секунды, чтобы ухватиться за входящую кромку.

И от силы десять, чтобы занять позицию.

Почти получилось.

Правой рукой Кларк ухватила за лопасть, но другой не смогла: из-за болтанки та соскользнула. Плита пролетела мимо, прихватив с собой руку Лени, которая натянулась, как тетива, и плечо с хрустом вышло из сустава. Кларк попыталась закричать. Заводненное тело амфибии убило звук в зародыше.

Она потянула левую руку вперед. Инерция отшвырнула ту прочь. Лени попыталась снова. Мышцы в месте травмы кричали от ярости. Пальцы ползли вдоль поверхности плиты, против потока, и наконец, найдя входящую кромку, рефлексивно сжались.

Плечо встало на место. Вечно недовольное мясо снова завопило.

Каскад воды и пены пытался стряхнуть Кларк с корабля. «Ковбой» шел еле-еле, и она едва держалась, а ведь на борту прибавят скорость, как только пройдут последнюю отметку фарватера.

Лени понемногу взбиралась по скату. Морская вода истончилась до брызг; и вот Кларк взобралась на плиту целиком и распласталась возле корпуса судна, потом вскрыла лицевой клапан: легкое расправилось с усталым вздохом.

Плита уходила вниз под углом примерно в двадцать градусов. Кларк спиной оперлась о корпус и подняла колени, ступни разместив на скате. Теперь она безопасно закрепилась в

добрых двух метрах от воды; ласты давали достаточно сцепления, чтобы не соскользнуть в океан.

Мимо проплыл последний буюк фарватера. Судно начало набирать скорость. Кларк одним глазом поглядывала на берег, а другим – на навигационную панель, где уже сменялись данные.

Наконец-то. Хоть этот корабль поворачивал на север. Лени расслабилась.

Полоса медленно скользила мимо на фоне позвоночных шипов восточных башен. На таком расстоянии Кларк едва различала движение на берегу, максимум какие-то размытые пятна. Облака бескрылых мошек.

Лени вспомнила об Амитаве, анорексике. О единственном, у кого хватило мужества выйти вперед и открыто признать то, что он ее ненавидит.

Она пожелала ему удачи.

Поджигатель

Умные гели всегда немного пугали Дежардена. Люди представляли их чем-то вроде мозгов в коробочках, но сильно ошибались. Зельцы не имели составных частей, никакого мозжечка или неокортекса – у этих фиговин вообще ничего не было. Ни гипоталамуса, ни эпифиза, ни подарков от эволюции, наслонившей поверх рыбы сначала рептилию, а потом млекопитающее. Гели не ведали инстинктов, желаний и были всего лишь кашей из культивированных нейронов, не более того: этот разум с четырехзначным коэффициентом интеллекта плевал на то, жив он или мертв. Каким-то образом они учились методом проб и ошибок, хотя им не хватало способности наслаждаться поощрением и страдать от наказания. Ход их мыслей формировался и распадался с бесцветным равнодушием воды, создающей дельту реки.

Но Дежардену пришлось признать – у них были свои преимущества. В схватке с зельцем у фауны не оставалось ни единого шанса.

Конечно, дикая природа пыталась. Но экосистемы Водоворота развились в мире кремния и арсенида – несколько сотен типовых, бесконечно повторяющихся операционных систем. Предсказуемые реестры и адреса. Исчислимая и воспроизводимая среда против куска думающего мяса в постоянном движении. Даже если какая-нибудь акула и умудрилась бы постичь такую архитектуру, дальше ей хода не было. Гели перепайвали себя с каждой новой мыслью: какой толк от карты, когда постоянно изменяется ландшафт?

По крайней мере так гласила теория. А ее доказательством служил глаз циклона, смотрящий прямо из сердца Водоворота. С самого рождения зельцы держали его в чистоте – высокоскоростной компьютерный пейзаж без всяких червей, вирусов или цифровых хищников. Когда-то давным-давно вся сеть была такой же чистой. И возможно, когда-нибудь она снова такой станет, если гели оправдают надежды. Пока же внутрь пускали лишь избранные два или три миллиона душ.

Это пространство называли Убежищем, и Ахилл там практически жил.

Сейчас он плел паутину в пустом углу своей игровой площадки. Биохимические данные Роуэн уже отправились на машину Джовелланос: первым делом он послал ей апдейт. Потом осмотрел бастионы, заглядывая через плечи бдительных гелей прямо в Водоворот. Там сейчас находились артефакты, которые следовало аккуратно пронести внутрь, помня о сверкающем паркете.

Для начала войти в архивы системы обзора земной поверхности. Если возможно, получить ежедневные карты влажности почвы за прошедший год. (А в эти дни с таким запросом можно было и пролететь. Неделю назад Дежарден попытался загрузить копию «Бонни Энн» из библиотеки и выяснил, что там начали стирать все книги, к которым не обращались более двух месяцев. Старая добрая мантра: ограничения по объему памяти.) Электромагнитные снимки полиэлектролитов и комплексобразующих катионов. Многоспектральные данные по хлорофиллам, ксантофиллам и каротеноидам, а также по железу и азоту в почве. Ну и для полноты картины – без особой надежды, впрочем, – отправить запрос в базу данных Национального центра биотехнологической информации по недавним структурам, способным жить в реальном мире.

Роуэн говорила о соперничестве с первичными продуцентами. Значит, обыкновенные микробы могут вымирать: надо сделать спектральный анализ содержания метана в почве. Распространение культуры потенциально ограничено температурой; нужна картина теплового излучения с учетом альбедо и скорости ветра. Ограничить все поиски многоугольником, простирающимся от Каскадных гор до берега и от мыса Флэттери до тридцать восьмой параллели.

Свести все нити воедино. Сжать сигнал, прогнав через обычный статистический строй: пат-анализ, преобразования Больцманна, полдюжины видов нелинейного оценивания. Дискри-

минантные функции. Фильтры Ханкинса. Метод главных компонент. Данные интерферометрии на разных длинах волн. Гипернишевые таблицы Линн-Харди. Повторить все виды анализа с взаимоишменяющимися задержками по времени в последовательности от ноля до тридцати дней.

Дежарден играл на пульте управления, как на музыкальном инструменте. Из рассеянных облаков информации сгушались абстрактные формы, дразня, подмигивали на краю зрения и исчезали, стоило на них взглянуть пристальной. Размытые белые линии из десятков векторов переплетались, окрашивались, оборачивались зательливыми фрактальными узорами...

Но нет. У этой мозаики показатель R превышал 0,25, что нарушало изначальные предпосылки гомоскедастичности. А от скромного показателя в уголке гессианы начинали жутко психовать. Одна дефектная нить – и весь ковер расползался.

«Вырвать ее с корнем, обесцветить преобразования, начать с нуля...

Так, минути».

Коэффициент корреляции $-0,873$. И что это такое?

Температура. Температура поднималась, как только уровень хлорофилла опускался.

«Какого черта я не заметил этого раньше? Ах, да. Вот тут. Задержка по времени.

Какого...

Какого...»

В ухе раздался тихий перезвон:

– Эй, Кайфолом. У меня тут что-то очень странное получается.

– У меня тоже, – ответил Дежарден.

* * *

Кабинет Джовелланос находился совсем недалеко, в том же коридоре, но у двери Ахилла она показалась лишь через несколько минут. Он сразу понял, почему так долго – в руке она держала кофеиновый шип.

– Надо спать больше, – заметил Дежарден. – Тогда не нужно будет столько препаратов.

Элис подняла бровь:

– И я это слышу от человека, у которого полкровотока зарегистрировано в патентном бюро.

Сама Джовелланос еще не подседа на уколы. В ее нынешней должности те не требовались, но она слишком хорошо справлялась с работой, чтобы долго оставаться на прежнем месте. Дежарден с нетерпением ждал того дня, когда праведные речи о Неприкосновенности Свободы Воли напрямую столкнутся с юридическими требованиями для продвижения по службе. Скорее всего, при первом же взгляде на список бонусов и новую зарплату все убеждения Элис пойдут прахом.

В его случае, по крайней мере, все так и произошло.

Ахилл развернул стул к консоли и вывел на экран корреляционную матрицу:

– Взгляни. Хлоры идут вниз, а температура почвы растет.

– Высокое p -значение, – сказала Элис.

– Малый размер выборки. Не в этом дело: посмотри на временную задержку.

Она наклонилась вперед:

– Слишком широкие границы доверительного интервала.

– Задержка не последовательна. Иногда температура поднимается за пару дней, а иногда – за пару недель.

– Это даже на закономерность не походит, Кайфолом. Любой...

– Попробуй угадать масштаб поражений, – перебил он.

– Там ведь сокращается растительный покров, так? – Джовелланос пожала плечами. – Если предположить, что это все-таки реальный процесс, тогда, скажем, полстепени? Четверть?

Дежарден показал ей:

– Твою мать. Эта зараза становится причиной пожаров?

– Их что-то вызывает, так или иначе. Я просмотрел муниципальные архивы в прибрежной зоне: все местные возгорания списывали или на террористические акты, или на «промышленные аварии». А парочка древесных ферм сдохла из-за какого-то сельскохозяйственного вредителя – листовертки или типа того.

Джовелланос подвинула Ахилла локтем, бегая пальцами по консоли:

– А что насчет других пожаров в зоне...

– Да их там куча. Даже если не выходить из области поиска, я нашел то ли восемь, то ли девять, которые выпадали из корреляции. А связано с Б, но не наоборот.

– Тогда это может быть случайностью, – с надеждой сказала Элис. – Может, пожары вообще ни о чем не говорят.

– А может, кто-то отслеживает нашего паразита лучше, чем мы.

Джовелланос на секунду замешкалась с ответом, а потом произнесла:

– Тогда мы тоже сможем немного улучшить систему поиска.

Дежарден поднял голову, взглянув на нее:

– Да ну?

– Я исследовала образец, который нам дали. Нам явно не старались облегчить задачу и, насколько могу судить, не оставили ни единой нетронутой органеллы...

Он махнул рукой:

– Для масс-спектрографа они все на одно лицо.

– Только если корпы не избавились от останков, когда превратили там все в пюре.

– Разумеется, оставили. Иначе ты бы никогда не получила точную сигнатуру.

– Ну а я вот не могу найти половину из того, чему там положено быть. В этой культуре даже фосфолипидов нет. Куча нуклеотидов, но они не подходят к матрице ДНК. Значит, твой паразит, скорее всего, базируется на РНК.

– Угу.

Пока без сюрпризов: множество вирусов прекрасно обходилось без ДНК.

– Я также сумела реконструировать несколько простых ферментов, но они все задеревенелые и вообще толком не работают, понимаешь? А, и вот еще что странно: я нашла парочку D-аминокислот.

– О, – понимающе кивнул Дежарден. – И что это значит?

– Правовращающие аминокислоты. Асимметричные атомы углерода торчат не с той стороны молекулы. Вроде самой обычной левовращающей кислоты, только перевернутой.

Зеркальное отражение.

– И?

– И поэтому они бесполезны; все метаболические пути заточены под L-аминокислоты, и только под них, по крайней мере, последние три миллиарда лет. Существует парочка бактерий, которые используют R-аминокислоты, потому что те бесполезны – они их вставляют в собственные клеточные стенки, и те в результате практически не перевариваются, – но у нас тут другой случай.

Дежарден уселся поудобнее:

– Значит, нашу штуку создали практически с нуля, ты это имеешь в виду? У нас на руках еще один новый микроб.

Джовелланос с отвращением покачала головой:

– И эта дамочка из корпов тебе ничего не сказала.

– Может, она не знает.

Элис указала на окно с данными геоинформационной системы, выведенное поверх остальной информации. Больше двадцати алых точек сверкали вдоль берега от Гонкувера до Ньюпорта. Две дюжины крохотных аномалий в почвенной и водной химии. Неизвестный микроб более двадцати раз являлся на Землю и неизменно становился предвестником миниатюрного огненного апокалипсиса.

– Но кто-то явно знает, – сказала Элис.

Пепелище

Гонкувер зализывал раны.

Трусливый город всегда прятался за островом Ванкувер и лабиринтом местной батиметрии. Так он уберется от худших последствий цунами. А вот землетрясение – это совершенно другой вопрос.

В прежние времена, до эпохи Водоворота, удаленки и полузаброшенных бизнес-центров, уровень смерти в деловых районах был бы в три раза выше. Теперь же те, кто не угодил на вивисекцию, устроенную небоскребами, просто умерли ближе к дому. Целые микрорайоны, построенные на гнилых осадочных породах в дельте Фрейзера, задрожали и исчезли, превратившись в зыбучие пески. Ричмонда, Уайт-Рока и Чиллиуэка больше не существовало. Дремавший вулкан Рейнир проснулся в дурном расположении духа; свежая лава все еще текла по его южному склону. Адамс же заволновался и вполне мог взорваться.

В центре Гонкувера ущерб оказался более разнородным. Улицы тянулись целыми кварталами без единого выбитого окна. А потом, на каком-нибудь случайном перекрестке, мир превращался в месиво из рухнувших зданий и перевернутого асфальта. Яркие желтые заграждения, поставленные после землетрясения, очерчивали границы разрушений. Подъемники висели над темными районами, словно белые кровавые тельца на опухоли. Свежие балки и панели спускались с небес восстановительными трансплантатами, латая кожу и кости города. Там, где они касались земли, ворчали в каньонах тяжелые машины.

В некоторых районах уже вполсилы наладилась жизнь, аварийные блоки Балларда разворачивали в удобные подстанции. Уцелевшие строения и улицы, которые землетрясение не отправило в Фоллс-Крик, вычистили и запустили снова. Полевые крематории изрыгали золу на углу Вест-Джорджии и Денмана, пока что на целый шаг опережая холерный вибрион. В городе сейчас было больше заграждений, чем зданий. Впрочем, уехать местные жители все равно не могли, УЛНКС закрыло границу у ущелья Хеллс-Гейт.

Бенрэй Даттон пережил все.

Ему повезло: кондоминиум с его квартирой располагался в Пойнт-Грее, районе, который походил на гранитный холм в море песка. От всех соседей ничего не осталось, он же лишь слегка покосился.

Конечно, без ущерба не обошлось. Большинство домов у подножия рухнули; те же, которые умудрились выстоять, пьяно накренились на восток. Из окон не пробивалось ни одного лучика света, уличные фонари не горели, хотя на город уже спускалась ночь. На столбах сияли соединенные на живую нитку прожекторы, они отделяли разрушенные дома от еще стоящих, но вид у них был какой-то оборонительный. Они не несли свет руинам, а больше походили на защитный периметр, выстроенный против них.

Именно они ослепили Даттона, когда сумасшедшая женщина вцепилась ему в горло, неожиданно выпрыгнув из теней.

Он застыл, не в силах двинуться с места. Холодные яркие глаза без зрачков – ледники, обрамленные плотью. Лицо без всякого тела, почти столь же бледное, как и глаза. Невидимые руки, одна сомкнулась вокруг его шеи, вторая уперлась ему в грудь...

«...нет, не невидимые, она в черном, вся в черном...»

– Что случилось?

– Что... что...

– Я не сдамся! – зашипела она, прижав Бенрэя к забору из проволочной сетки. Ее дыхание клубами завивалось между ними, похожее на подсвеченный туман. – Он же делал снимки, тысячи этих проклятых снимков, и я ему просто так не дам уйти!

– Кто... Ты кто такая...

Неожиданно она остановилась, склонила голову набок так, словно только сейчас увидела свою жертву. И задала глупый вопрос:

– А ты, блин, откуда взялся?

Она оказалась ниже Бенрэя сантиметров на пятнадцать, но по какой-то причине мысль о том, чтобы дать ей отпор, ему в голову не пришла.

– Я не знаю, я... я просто домой шел, – выдавил из себя Даттон.

– Этот дом, – произнесла женщина. Ее глаза – какие-то приборы ночного видения? – казалось, сверлили его собственные.

– Какой дом?

Она опять швырнула его к забору.

– Вот этот дом! – И мотнула головой в сторону чего-то за его левым плечом. Даттон повернул голову: еще одна многоэтажка, не пострадавшая, но пустая и темная.

– Этот? Я не...

– Да, именно он! Дом этого урода, Ива Скэнлона. Ты его знаешь?

– Нет, я... в смысле я тут вообще никого не знаю. Мы тут держимся...

– Куда он уехал? – прошипела она.

– Уехал? – переспросил Бенрэй слабым голосом.

– Квартира пустая! Вообще! Ни мебели, ни одежды, даже лампочек и тех нет!

– Может... может, он уехал... землетрясение...

Незнакомка еще сильнее вцепилась в одежду Даттона и наклонилась вперед: казалось, еще немного – и они поцелуются.

– На его доме нет даже царапины! С чего он решил уехать? Да и как сумел? Он – никто, ничтожество. Думаешь, он мог вот так легко собрать вещички и выйти за линию карантина?

Даттон лихорадочно замотал головой:

– Я не знаю, честно, я не...

Несколько минут она пристально его разглядывала. Волосы у нее были мокрыми, хотя дождь в тот день не шел.

– Я... я тебя не знаю, – пробормотала она чуть ли не про себя и медленно разжала кулаки. Даттон привалился к забору.

Женщина отошла, давая ему место.

Этого он и ждал – и быстро скользнул рукой во внутренний карман пиджака. Тазер ударил ее в ребра, прямо под странным металлическим диском, вшитым в униформу. Такой заряд должен был ее обездвижить за долю секунды.

Вот только в эту секунду:

Она моргнула...

Резко подняла правое колено вверх. Само собой, Бенрэй носил гульфик, но все равно больно было адски...

Быстро что-то вытащила из ножен, висящих на бедре...

Сумасшедшая сделала шаг назад, протянула руку. В двух сантиметрах от лица Даттона застыл жезл цвета черного дерева с крошечным шипом на конце, похожий на однозубую мамбу.

К боли в промежности неожиданно прибавилась теплая влага.

Женщина еле заметно, но жутко улыбнулась.

– Микроволновкой пользуешься, обыватель?

– Чт... что?

– Бытовыми приборами? Сенсориумом? Наверное, и горячее отопление зимой есть?

Он кивнул головой:

– Да. Да, разумеется, я...

– Угу. – Мамба качалась над его левым глазом. – Тогда я ошиблась. Я тебя все-таки знаю.

– Нет, – мямлил он. – Мы никогда...

– Я тебя знаю, – повторила она. – И ты мне должен.

Женщина передвинула большим пальцем какой-то рычажок на рукоятке жезла. Послышался тихий щелчок.

– Пожалуйста, – взмолился Даттон.

И, удивительное дело, его мольба не осталась без ответа.

* * *

Гонкувер по-прежнему оставался зоной бедствия; у полицейских была куча забот, а потому они не обратили особого внимания на заявление о нападении непонятного призрака, поступившее от какого-то перепуганного дебила. Тем не менее сервер принял показания Даттона, когда тот позвонил. Там, понятно, сидел не человек, но машина оказалась достаточно умна и задала уточняющие вопросы – например, заметил ли он хоть что-нибудь – не важно что, – что могло вынудить преступницу столь неожиданно прекратить нападение?

Нет.

Есть ли у него хоть какие-то соображения, почему она внезапно принялась бормотать об отце? Имели ли ее слова о «монстрах» какой-то смысл в контексте?

Может, она была сумасшедшей, ответил Даттон. У вас не хватает квалификации для постановки медицинских диагнозов, заметила машина.

Видел ли он, куда нападавшая скрылась? В деталях?

Просто вниз, по склону холма. Прямо к руинам, в сторону воды.

В одном Бенрэй был уверен точно: никогда и ни за что он бы не стал ее преследовать.

Запасы

**Кредитный союз ВанСити / Сервер транзакций Н'АмПацифик.
Личные счета, Бродвей АТМ-45, 50/10/05/0551.
Начало транзакции:**

**Добро пожаловать в «ВанСити».
Являетесь ли вы нашим клиентом?**

У меня не получилось связаться с вами через запястник.

**Запрет на удаленный доступ действует до десяти часов утра.
В настоящий момент терминал может обработать исключительно
транзакции, производимые на нем самом. Мы приносим вам
извинения за неудобства. Являетесь ли вы нашим клиентом?**

Лени Кларк.

**Добро пожаловать, мисс Кларк. Пожалуйста, снимите свои
роговичные накладки.**

Что?

**Мы не можем открыть ваш счет без сканирования сетчатки
глаза. Пожалуйста, снимите ваши роговичные накладки.**

Спасибо. Сканирую.

**Сканирование завершено. Спасибо, мисс Кларк. Вы можете
проводить операции с вашим счетом.**

Какой у меня баланс?

\$Q42 329,15

Я хочу загрузить все.

Понравилось ли вам обслуживание в «ВанСити»?

Нормальное.

**Мы зарегистрировали запястник и подкожный денежный чип в
левом бедре. Как вы желаете осуществить распределение средств?**

Сорок тысяч под кожу, остальное в запястник. Автоматический перевод всех средств на чип, если я подвергнусь нападению.

**Это условие не может быть определено. Ваш запястник не имеет
встроенного модуля биотелеметрии.**

Тогда автоматический перевод по голосовому паролю.

Ваш пароль?

Т... тень.

**Пожалуйста, повторите пароль.
Пожалуйста, повторите пароль.
Пожалуйста...**

Я же сказала: тень.

Пароль принят. Вы хотите осуществить какую-либо другую транзакцию?

(неотчетливо)

«ВанСити» благодарит вас за сотрудничество.

Конец транзакции.

* * *

**Медкабина «Сирс» 199/Остров Грэнвилл/Гонкувер.
Голосовая запись голосовой транзакции, 50/10/05/ 0923.
(Результаты анализов сохранены отдельно.)**

Начало сессии:

**Добро пожаловать в «Сирс Медикал Сервисез».
Пожалуйста, откройте ваш счет.
Спасибо. Вы желаете ограничить стоимость вызова?**

Нет.

Чем мы можем вам помочь?

Правое плечо. Растяжение, а может, и перелом. Сканирование крови. Анализ на патогенные микроорганизмы.

Пожалуйста, предоставьте образец крови.

Спасибо. Пожалуйста, предоставьте вашу медицинскую карту или идентификационную карту Западного полушария.

Забудьте.

Доступ к вашей медицинской карте поможет нам предоставить более качественные услуги. Мы храним всю информацию в строгой конфиденциальности, за исключением вопросов общественного здоровья, или маркетинговой важности, или же в тех случаях, когда от нас потребуют идентификацию вашего образца в судебном порядке.

Попытаю судьбу. Спасибо, не надо.

Вы недавно вывихнули плечо, но сустав уже встал на место. Без лечения вы будете испытывать боль и затрудненность движения примерно два месяца. Также без лечения вы будете примерно год испытывать сниженную подвижность в суставе. Вы хотите принять средство против боли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.